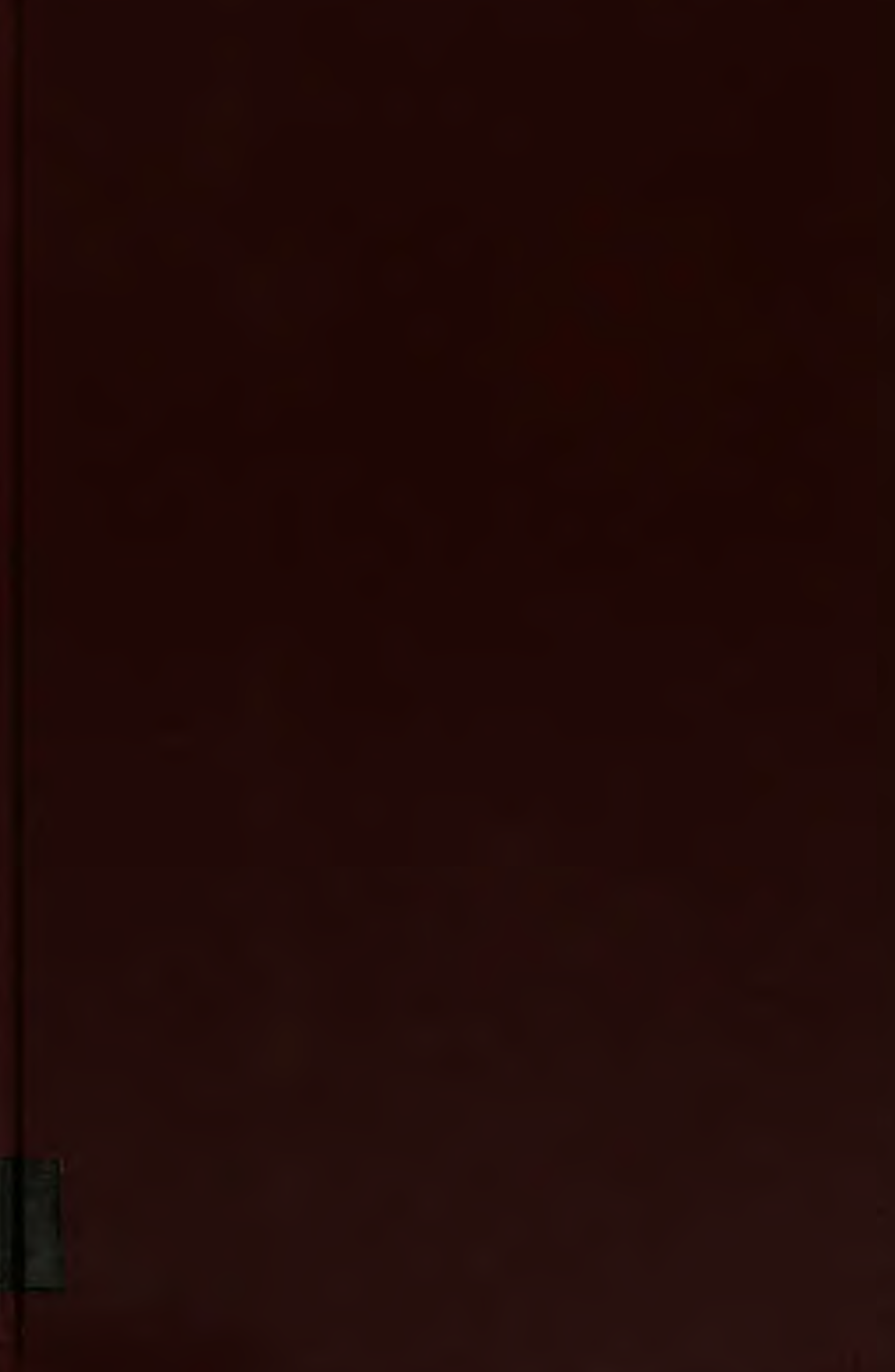
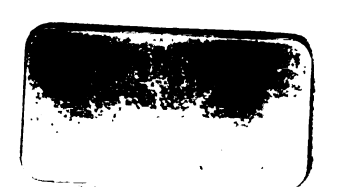

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO NEA

О

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

XVII ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

Д. Мордовцева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1861 года.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 16-го Февраля, 1862 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

О
РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ
XVII ВѢКА.

Въ послѣднее время въ Русской литературѣ появилось нѣсколько трактатовъ относительно обученія юношества въ до-Петровской Руси. Но такъ какъ почти до настоящей поры предметъ этотъ мало обращалъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и отъ того мало подвергался ихъ изслѣдованію, то и эти послѣдніе трактаты, не имѣя возможности опереться на какіе либо выводы, полученные прежними изыскателями Русскихъ древностей и исторіи нашего образованія, имѣютъ интересъ только, какъ попытки къ объясненію того, что такъ важно для исторіи нашего развитія. Это происходитъ отъ того, что ученые воспользовались далеко не всѣмъ, что предлагаетъ намъ наша древняя письменность и что хранится еще по разнымъ библіотекамъ въ неизданныхъ, но почти всѣмъ доступныхъ, рукописяхъ, ожидающихъ нашей разработки. Конечно, матеріалы эти не такъ богаты, чтобы по нимъ можно было надѣяться отчетливо уяснить и способы нашего обученія и методъ, и даже объемъ его; однако, если бы мы по возможности воспользовались всѣмъ, что намъ доступно, то свѣдѣнія наши относительно образованія до-Петровской Руси были бы не такъ скудны, какъ въ настоящую пору. Основываясь большею частію на однихъ догадкахъ, тогда какъ, съ небольшими усиліями, можно было бы найти и положительные факты касательно тогдашняго обученія юношества, одни изъ изыскателей ограничиваютъ объемъ этого обученія чтеніемъ Часословца

и Псалтыри, другіе, напротивъ, мало-мало не заставляютъ дѣтей до-Монгольской Руси изучать философію во всѣхъ ея метафизическихъ тонкостяхъ. Разумѣется, и то и другое — крайность, происходящая отъ того, что изыскатели упустили изъ виду одно обстоятельство, именно: они не хотѣли обратить должнаго вниманія на памятники нашей древней письменности, которая одна въ состояніи рѣшить недоумѣнія и привести насъ, хотя немного ближе, къ истинѣ, чѣмъ всѣ простыя догадки.

Въ настоящее время я имѣю возможность пользоваться нѣсколькими драгоцѣнными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней Русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе «Азбуковника» и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то «первостранникомъ», и отчасти списанныхъ имъ съ другимъ тогдашнихъ изданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ.[1] Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ, въ которыхъ помѣщались—весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но Азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, по видимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ «Уставовъ объ училищахъ»; за тѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письмовникахъ.

Одна половина этого Азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ розгѣ, которою будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище; въ немъ есть

[1] Рукопись эту довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аѳанасій, Епископъ Саратовскій, которому считаю долгомъ свидѣтельствовать глубокую признательность за его великодушное снисхожденіе. Я пользуюсь этими матеріалами, на сколько они могутъ служить поясненіемъ предмета, взятаго цѣлью моей статьи.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюлѣтняя» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ.
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
Розга Божественнаго писанія учитъ.
Розга аще и біетъ, но не ломитъ, кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою аще отецъ и мати часто біютъ дѣтище свое,
Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мати еже дѣтище не біютъ,
Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже; матери и учители,
Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрые родятъ на долгія времена.
Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же брезовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги изъ млада возрастится,
Старости не достигъ, удобь скончится.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнивыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

«Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!» [1]

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ ученію и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавливается слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навыкати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,
Учителево приказаніе опасно соблюдати.
Не покаряющимся полагаемъ клейнотъ —
Учителевъ ремень плётной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отрочà,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ борзо скачà:
Въ сердцы своемъ скрый словеса сія,
Да насладится сердце твое беседы сея;
Еще азъ тебѣ хощу сказати,
Тебе младаго отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взимай,
И добрѣ сохраняй.»

Содержаніе самихъ Азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

---

[1] Статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1854 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

шества, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разсѣянныя въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ, Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ [1]; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

---

[1] О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мотность. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состоянiй и званiй, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученiе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говоритъ между прочимъ: «сего ради присно глаголю и глаголя непрестану людямъ благочестивымъ во слышанiе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя неискусоз любныя дѣти на таковое славословiе всесильнаго Бога и благоразумное ученiе вдаютъ; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, но и сихъ удобь отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространенiи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленiе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякого состоянiя и всѣхъ сословiй, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распредѣленъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненiяхъ въ чтенiи):

«Въ дому своемъ, отъ сна воставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненiи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди,
И товарища своего веди,
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указанiемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другiе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссiи сiе зазорно мнится.» Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Прилѣпляющiйся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущiй отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано востаютъ, и умывся, образу Божiю нижай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утреннюетъ ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ... Въ храмъ учителевъ, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божію поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго пѣнія говорити повелѣваютъ и тако расходитися и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словенороссіи сіе зазорно мнится».

Это значитъ, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что, сказавъ старый урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго пѣснопѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божіимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Іисусовою, начинай стихъ тихо, а не борзяся.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

«Молитвы ваши со, умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кричаніе же и вересканіе пользы и умиленія отнюдъ не подаваютъ.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, садились по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

«Маліи въ васъ и велицыи вся равни,
Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ знатни.»

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ:

«Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеся,
Колѣнями и лядвіями не присвояйтеся.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣсняй.»

Тѣ же самые совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полуименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшаются здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарыща своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Доброты ближняго страстнѣ не зри,
И близъ единъ другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
Таковая отъ того страсть біеніемъ ся да отгонитъ.
Данный урокъ кійждо васъ изъучивъ,
И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
Двери школы, входяй и исходяй,
Тихо и благоискусно отворяй и затворяй.
Деннаго ли урока кто не изъучитъ,
Таковый отъ біенія свободы не получитъ.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различные, и по содержанію и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведенія учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потомъ, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣснить-ся къ товарищамъ, глазами «не намизать», не давать товарищамъ кличекъ, такъ точно и въ риѳмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
И очима своима страстнѣ намизати,
Ему же біеніе будетъ нещадно,
Да инымъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарыща своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ риѳмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
И опасно на мѣсто свое кладите;
Книгу, замкнувъ, печатію къ высотѣ полагай,

Указательнаго же древца въ ню отнюдъ не влагай;
Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
Тако же и заутро пріимая съ поклоненіемъ относите;
Книги своя не вельми разгибайте,
И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
Книгъ на сѣдалицкомъ мѣстѣ не оставляйте,
Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
Книгъ аще кто не брежетъ,
Таковый души своея не стрежетъ.
Книжными паволоками не забавляйтеся,
Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

То же самое выражено въ другомъ Азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычаи были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышшею страною, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страною, яко бы стремоглавно поставивши, но долнею страною во обоихъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.» [1]

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ Азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юношамъ въ назиданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать внѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще не выносить за порогъ школы словеснаго сору повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ Азбуковникѣ, а въ разныхъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

---

[1] Въ другомъ мѣстѣ велѣно передавать книги книгохранителю.

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Словесъ смѣхотворныхъ и подражненіе въ школу не вноси,
Дѣлъ же бываемыхъ въ ней отнюдъ не износи.»

Въ третьемъ:

«Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.»

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Азбуковники велятъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на ихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лахань съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ осьми стихахъ:

«Сосуды прилучающіяся въ школѣ ставляйте и кладите тихо,
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносити,
Лахань же съ настоялою водою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да моются,
Да приходящимъ въ школу не гнюсно видится,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота.»

О значеніи этой обязанности—мыть и выносить лахани и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до-Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней порѣ, своевременны, и нисколько не странны, какъ не странны, слѣдующія, на примѣръ, требованія:

«Храканія и иныя волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и среди школы да не повержеши;
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но яснорѣчно учимое и всякое реченіе имѣйте.»

Или эти правила:

«Отнюдъ не обнажай при товарыщахъ руки и ноги твоея,
Тако же и самъ не зри страстнѣ наготы своея.
. . . .
. . . .
Отнюдъ не прикасайтеся къ чесому любосластнѣ,
И доброты ближняго не зрите любострастнѣ.»

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не подумали о насъ дурно; шапки велѣно класть на грядку; велѣно мести школу и выносить «соръ», только не «словесный»; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристрояетъ». Впрочемъ, приведемъ и это мѣсто:

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любяй сіе, съ нами таковый не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдъ да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду паки бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и исчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.
Школьныя недостатки третій староста [1] да знаетъ
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристрояетъ;
Школу кто хощетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте.»

За тѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружиной», т. е., съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; ради нужди гдѣ кому отходити—

---

1 О «старостахъ» въ нашихъ древнихъ училищахъ будетъ сказано ниже: сколько ихъ было, изъ кого выбирались они, и ихъ обязанности.

позволено только четырежды на день, и не иначе какъ съ позволенія старосты; за тѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученье:

«Руки своя храните отъ кpaдeнiя
И на книги ваша кладенія;
Рукою ближняго отнюдъ не ухващай
И льстивымъ словомъ отнюдъ не увѣщай.
. . . .
. . . .
Ради нужди кому отходити,
Къ старостѣ для отпусту съ молитвою приходити;
Ради того четырежды днемъ ходите,
Немедленно же паки оттуду приходите;
Руки для чистоты да измываете,
Егда тамо когда бываете.»

То же самое есть и въ нериѳмованномъ Азбуковникѣ: «аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся, и изымывъ руцѣ, настоящему ученію касайся.»

Пить позволялось три раза на день и позволеніе это зависѣло также отъ старосты:

«Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете.»

Наконецъ, относительно наказанія лѣнивыхъ, въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ до-Петровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древне-Русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками жезломъ, ремнемъ, плетью, лозою и розгой, и, вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый «списатель» учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно; это было простое словесное устрашеніе, которое, конечно, не всегда и не во всей мѣрѣ выполнялось, но все таки выполнялось, хотя и не такъ часто, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ при всякомъ удобномъ случаѣ и почти на каждой страницѣ; не говорю уже о томъ, что предисловія

и послѣсловія рѣдко забывали эту словесную угрозу и всегда почти были исполнены указаніями на страхъ жезла и учителя. Но какъ бы то ни было, г. Забѣлинъ гораздо прямѣе взглянулъ на способъ обученія нашего юношества въ древней Руси, чѣмъ гг. Купріяновъ и Лавровскій, по мнѣнію которыхъ, въ обращеніи съ дѣтьми, у нашихъ предковъ господствовали въ высшей степени гуманныя начала: первый изъ нихъ опирается на выраженіе Стоглава, что велѣно, де, учить дѣтей «не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ» [1], а больше никакъ; по мнѣнію втораго, педагогъ древней Руси никогда не былъ суровъ, а чрезвычайно ласковъ и всегда младенцы сладостно кутіею кормляше. [2] Можетъ быть, дѣтей и кормили кутьей, но за то и сѣкли такъ же, какъ предполагаетъ г. Забѣлинъ, особенно въ той Руси, въ которой необходимы были правежи и батоги, [3] и гдѣ и въ наше еще время воспитаніе дѣтей, какъ домашнее, такъ и общественное, по большей части, не обходится безъ розогъ.

Выше мы видѣли уже предисловіе, гдѣ говорится, что будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище розгою, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба, и тому подобные доводы; видѣли также и другія указанія на то, что юношеству нашему часто повторялось увѣщаніе о розгѣ и ремнѣ, о уваженіи къ бичу и жезлу. Это въ предисловіяхъ. Но и въ самихъ учебникахъ, между серьознымъ содержаніемъ, посвящалось довольно много страницъ предмету о наказаніяхъ, и всѣ такія разглагольствованія очень забавны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы видимъ нашихъ предковъ, съ ихъ взглядами на вещи и привычками, съ ихъ понятіями о воспитаніи и обученіи. На примѣръ, въ одномъ мѣстѣ риѳмованнаго Азбуковника говорится, что лѣнивыхъ писаніе велитъ бить лозами, и въ слѣдъ за тѣмъ самой лозѣ посвящается почти такое же похвальное слово, какъ и розгѣ въ приведенномъ выше предисловіи:

«Лѣнивыхъ писаніе велитъ бити лозами,
Отъ нихъ же то изводится бываемыми слезами;

1 Купріяновъ: «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ Спб. Вѣд. N. 163 (изъ «Степен. книги»).

2 Лавровскій: «О древне-Русск. училищахъ», стр. 103 (тоже изъ «Степен. книги»).

3 Забѣлинъ: «Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи», въ Отечеств. Записк. 1856 г., N. 3, Отд. II, стр. 6.

Лѣнивымъ здѣ является лоза,
Его же налагается имъ гроза.
Лѣнивіи внимайте,
Наказаніе мое пріимайте.
Лоза дѣтемъ разумъ во главу вгоняетъ.
И отъ злыхъ на добрая дѣла возставляетъ,
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ,
Божественнаго разума премудрѣ научаетъ;
Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ
И злый обычай удобь отлучаетъ;
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шію скоро ему свіетъ.»

Изъ этого отрывка всякій можетъ видѣть, что даже правила о наказаніяхъ такъ дословно сходны въ разныхъ мѣстахъ учебниковъ, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ прочности тѣхъ положеній касательно училищной дисциплины, которыя разсѣяны по тогдашнимъ учебникамъ и которыя мы отчасти привели въ возможномъ порядкѣ: выраженія какъ въ тѣхъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ правилахъ о наказаніи, ясно говорятъ, что они переходили изъ устъ въ уста, какъ пословицы, какъ нравственныя сентенціи, не чуждыя для всякаго Русскаго. Выпишемъ еще нѣсколько такихъ правилъ о наказаніи учащихся.

Въ одномъ мѣстѣ говорится:

«Естьли кто ученіемъ облѣнится,
Таковый ранъ терпѣти не постыдится.»

Въ другомъ:

«Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.»

Сами ученики говорятъ учителю:

«Бываемъ всегда страшни тебе,
И тѣмъ отъ побой соблюдаемъ себе.
Безъ наказанія ли твоего пребудемъ,
Воистину честни нигдѣ не будемъ.»

Учитель говоритъ ученикамъ:

«Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеши,
То вездѣ честенъ будеши;
Аще въ данныхъ тебѣ урокахъ облѣнишся,

---

[1] Опять то же самое выраженіе, которое ученики говорятъ учителю.

То и ранъ терпѣти не постыдишися.

. . . .

. . . .

Аще хощеши ранъ избыти,
Всегда надобно учливу быти;
Аще въ написанныхъ сихъ словесѣхъ не пребудеши,
Вѣстно буди, яко безъ побой не пробудеши.»

Въ Азбуковникѣ нериемованномъ нѣтъ такихъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и о нерадивыхъ «Мудрость» говоритъ очень немного, именно: «посѣтити имамъ таковаго жезломъ наказанія и ранами смирити имамъ даже до плача и слезъ», и пугаетъ лѣнивыхъ тѣмъ, что они не только «въ настоящемъ семъ ученіи множицею біени будутъ», но «и вся дни живота своего въ злостраданіи и убожествѣ поживутъ и, злѣ дни своя скончавъ, вѣчно мучеми будутъ.»

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣниваго безъ обѣда:

«Егда кто урока даннаго не изъучитъ,
Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ.»

Не забыта также и скамейка, этотъ «школный козелъ», на которомъ «посѣщали лѣнивыхъ жезломъ наказанія и ранами смиряли даже до плача и слезъ», какъ сказано:

«Егда кто другъ друга злѣ уничижитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школномъ козлѣ полежитъ.»

Упоминается еще одно наказаніе, но признаться, мы его рѣшительно не можемъ понять:

«Школьныхъ всѣхъ жителей утробное испражненіе
Вступающимъ на лавку ученикомъ будетъ устрашеніе.»

Догадываться можно, однако, что извѣстное мѣсто, въ то время, исправляло должность карцера.

Въ Азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого либо шалуна, то это дѣлалось съобща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. На примѣръ, ученики такъ говорятъ своему наставнику:

Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не предъ многими деньми была;
Виновніи, слышавъ сіе, лицемъ рдятся,
Понеже они нами смиренными гордятся.

И дѣйствительно, по нѣкоторымъ отрывкамъ Азбуковниковъ, можно видѣть что между юношествомъ училищъ до-Петровской Руси, товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостью никто не осмѣливался. За то, изъ числа самихъ учениковъ, учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей; надсмотрщики эти назывались старостами, что, кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ школьному выраженію нынѣшнихъ средне-учебныхъ заведеній, именно слову старшій. Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности; правила требовали, чтобъ старосты «не были къ ядѣнію любосластны: таковіи бываютъ и къ возрѣнію любострастни.» По словамъ одного Азбуковника, избирались они на томъ основаніи, что такъ какъ пастыри безсловесныхъ скотовъ сзываютъ свое стадо голосомъ и словомъ устрашаютъ его и «отвращаютъ отъ пути, амо же не лѣпо имъ ходити», да кромѣ того имѣютъ и «псовъ добрѣйшихъ, могущихъ олаяти стадо, да гласъ его нѣцыи отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо разпудити;» такъ какъ еще «множицею и пастырь отъ труда усыпаетъ, или отходитъ,» а «бодрый песъ единъ стрежетъ добрѣ,» то тѣмъ болѣе пастырю словесныхъ овецъ, учителю, подобаетъ блюсти учениковъ и «хранити ихъ, яко зѣницу ока» (много бо несмысльства и всякого неразумія привязано суть къ души отрочати), и для этого, говоритъ къ учителю мудрость: «имѣй у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри пристави, да не по твоемъ отшествіи, или снѣ, ученицы твои уклонятся въ развращенія и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на ина нѣкая злая діаволъ научитъ.»

О количествѣ старостъ можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ, по словамъ Азбуковника: «единаго изъ васъ въ старосты изберу.» Но вѣроятнѣе всего, что ихъ избиралось трое, какъ говорятъ многія мѣста Азбуковниковъ: «тріехъ старостъ вамъ устраяю, коему коемуждо особное приказаніе уставляю.»

Касательно обязанности старостъ есть много указаній въ Азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, почему они имѣли право даже наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ авдиторовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно; наконецъ, на одного старосту возложена была обязанность, ради нужди, учениковъ на дворъ отпущати и зловоннаго духа ощущати. Но я постараюсь всѣ обязанности старостъ передать, сколько возможно, словами самихъ Азбуковниковъ. Главное мѣсто слѣдующее:

Тріехъ старостъ вамъ устраяю,
Коемуждо особное приказаніе уставляю:
Тіи вся бывающая въ васъ да смотряютъ,
Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряютъ;
Тіи должны суть: единъ книги пріимати и отдавати,
Другій недостатки воды досмотряти и пить отпускати;
Третій нужди ради на дворъ отпущати
И зловоннаго духа долженъ есть ощущати.
Тіи должны быть безпристрастни,
Да не, на нихъ зря, иніи будутъ страстни.

Нѣсколько ниже, въ этомъ же Азбуковникѣ, учитель, обращаясь къ одному изъ старостъ, говоритъ ему о надсмотрѣ за книгами и велитъ чаще прослушивать учениковъ:

Часто тебѣ, староста, приказываю,
И всѣмъ вамъ прилѣжно наказываю:
Честно книги всегда пріимай,
И на уготованное мѣсто благоискусно полагай,
Честно же и за утро взимай
И съ молитвою всѣмъ отдавай;
Часто безъ мене учениковъ прослушай,
И всякому благоискуству ихъ поучай.
Чинно въ приказаніихъ моихъ пребудете,
То никогда отъ мене біени будете.

Еще ниже:

Школные недостатки третій староста да знаетъ,
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно, и т. д.

Слѣдующее мѣсто говоритъ въ пользу того, что могъ быть и одинъ староста въ школѣ, и тогда онъ или исполнялъ, вѣроятно, свою обязанность за троихъ старостъ и былъ представителемъ учителя, или, можетъ быть, онъ уже не исполнялъ вовсе обязанностей трехъ старостъ, а былъ просто только представителемъ учителя:

Единаго изъ васъ въ старосты изберу,
Ему же васъ въ повиновеніе приведу,
Ему же вси вы покоряйтеся
И ученія своими у него прослушайтеся;
Егда же самъ азъ буду въ дому,
Не лѣнивъ буду и азъ къ тому. [1]

Наконецъ, послѣднее мѣсто:

Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ любовію бываете, и т. д.

Такими правилами руководствовались педагоги до-Петровской Руси, въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ, которые отчасти высказались въ приведенныхъ нами отрывкахъ. Изъ нихъ мы нѣсколько узнаемъ, какіе обычаи приняты были въ тогдашнихъ школахъ, какъ должны были вести себя ученики въ школѣ и дома, какія лица наблюдали за нравственностію юношества и проч. Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ Православной религіи; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. [2] Можно

---

[1] Не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что это былъ особенный, такъ сказать, экстраординарный староста, наряжавшійся собственно замѣнять отсутствующаго учителя?

[2] О хожденіи въ церковь сказано: «Се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ.»

думать, что ученики обязаны были непремѣнно ходить въ церковь, не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу: благовѣстъ къ вечерни возвѣщалъ имъ окончаніе классовъ. Передъ этимъ окончаніемъ ученія, воспитанники прослушавались старостами и учителемъ. За тѣмъ, говоритъ мудрость, «егда отпущени будете, вси купно воставше и книги своя книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возглашеніемъ вси купно и единогласно воспѣвайте всегда молитву Преподобнаго Симеона Богопріимца: ««Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко»», и пр., [1] и Пресвятѣй Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: ««Преславная присно Дѣво»» и пр.

Вспомнимъ, что эту же самую молитву: «Нынѣ отпущаеши», еще до сихъ поръ продолжаютъ читать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ этотъ обычай вывелся и, вмѣсто древней молитвы, читаютъ сочиненную въ новѣйшее время: «Преблагій Господи», при началѣ классовъ, и: «Благодарю Тебя, Создателю», въ концѣ; въ Университетахъ же ни то, ни другое; но «Нынѣ отпущаеши» еще и теперь читаютъ въ нашихъ сельскихъ, домашнихъ школахъ, гдѣ старина, конечно, нашла себѣ пріютъ на долгое время. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, какъ въ школахъ XVII вѣка начиналось и оканчивалось ученіе, и какъ должны были вести себя дѣти въ самихъ училищахъ. Нѣтъ въ этихъ Азбуковникахъ ясныхъ указаній, въ какое время распускали учащихся къ обѣду: впрочемъ, это не важно для исторіи образованія въ Россіи, если бы мы даже и знали точно этотъ часъ; но насъ приводитъ въ сомнѣніе одно мѣсто Азбуковника, гдѣ говорится, между прочимъ, что учитель долженъ читать часто своимъ ученикамъ «полезная писанія», относящіяся къ ихъ настоящему положенію, или о мудрости, для поощренія къ ученію, или о школьной дисциплинѣ, или о праздникахъ, и это онъ обязанъ прочитывать имъ каждый день, преимущественно же во время хлѣбояденія и полуденнаго отъ ученія престанія. Но какъ могли слушать эти правила ученики, когда они распускались по домамъ и обѣдали каждый съ своими родителями? Для того, чтобы ученики

---

[1] Въ рифмованномъ Азбуковникѣ:

Хощете ли при вечерѣ въ домы своя отходити,
Молитву: «Нынѣ отпущаеши» лѣпновозгласно проговорити.

имѣли возможность за обѣдомъ слушать эти учительскія чтенія, остается предположить, что къ обѣду ихъ не распускали. Тогда явится необходимость дѣлать заключенія о томъ, что они обѣдали въ школѣ; а это предположеніе ведетъ за собой новую догадку, что они имѣли въ школѣ общій столъ. Такъ, на чей счетъ готовился этотъ столъ? На общественныя деньги? Но эти догадки заведутъ насъ слишкомъ далеко и поднимутъ такія вопросы, на рѣшеніе которыхъ мы не надѣемся при настоящихъ средствахъ. Остается допустить, что эти непонятныя выраженія Азбуковника сказаны только относительно тѣхъ немногихъ учениковъ, которые постоянно находились при учителѣ, особенно когда многія школы существовали при монастыряхъ, и тогда для насъ сдѣлается яснѣе еще одно выраженіе изъ другаго Азбуковника, гдѣ слагатель дѣлаетъ такое предостереженіе учителю: «Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати, дивися, аще не на тѣхъ же мѣстахъ имутъ востати.» Какимъ образомъ учитель могъ видѣть спящихъ учениковъ и наблюдать за ихъ нравственностью во время сна, если они не жили при самихъ школахъ? Но не беремся рѣшать этихъ недоумѣній съ помощью однихъ Азбуковниковъ, находящихся въ нашихъ рукахъ; а предполагать, вѣроятно, можетъ всякій болѣе или менѣе правдоподобно, и потому мы не утверждаемъ своихъ предположеній. Можетъ быть, послѣ сами собой разрѣшатся эти недоумѣнія.

Мы остановились на томъ, что звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были итти къ вечерни, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобъ они стояли въ церкви благопристойно, «потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!» [1] Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобъ и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ премудрость: «Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханіа же другъ друга и біеніа, и рѣзваго бѣганіа, и каменоверженіа, и всякихъ не подобныхъ дѣт-

---

1 Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
Ученіе оставльше, усердно тамо поспѣшите;
Знаеми всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бывайте,
Понеже вси знаютъ, яко въ школѣ пребываете.

скихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая мѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ стропотное хожденіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе.... И егда минуете святую церковь и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: ««Пречистому Твоему образу покланяемся, Благій»», и ту стоя, или идя, точію скончай. Аще ли не умѣеши первое, доволно ти есть, дондеже изучиши. Такожде и Пресвятыя Богородицы образу помолишися со изреченіемъ: ««Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво»», и прочее. Вѣдый буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолитъ Сына своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное познаніе во святыхъ писаніихъ.» Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому либо случаю собирается народъ.

На обрѣтающееся позорище отнюдъ не ходите,
Но паче въ домы своя со смиреніемъ ходите.

Оканчивая объясненіе школьныхъ обычаевъ, какими находимъ ихъ въ Азбуковникахъ, мы должны еще прибавить, что въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были «точію выученное изговорити и настоящій стихъ трижды,» и до начатія литургіи слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, за тѣмъ отходили въ церковь. Этотъ обычай сходенъ съ существующимъ еще въ настоящее время обыкновеніемъ въ окружныхъ (т. е., уѣздныхъ) училищахъ Войска Донскаго, гдѣ воспитанники по воскресеньямъ обязаны собираться въ заведеніе и слушать чтеніе Евангелія, которое должно читаться въ тотъ день въ церкви; а учитель объясняетъ имъ значеніе и смыслъ сказаннаго въ Евангеліи. Послѣ того всѣ учащіеся и наставники идутъ въ церковь.

Училищныя правила въ до-Петровской Россіи требовали непремѣннаго исполненія еще нѣкоторыхъ обычаевъ, которые въ наше время сохранились не вездѣ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучащимися учениками и не оскорбляться грубоучащимися, велитъ ему заставлять тѣхъ и другихъ ежедневно прославлять мудрость, призывать на помощь Бога и «любезный много стихъ купно глаголати: «Премудрости наставниче и смыслу Давче»», и прочее до конца. Потомъ ученики должны читать слѣдующую ученическую молитву: «Господи помози, Господи поспѣши, Господи вразуми рабъ

своихъ грамотѣ учитися и добрѣ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима прилѣжное зрѣніе, помыслъ не мятеженъ и умъ достаточенъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.» Если же который нибудь изъ учениковъ лѣнится, или, какъ говоритъ Азбуковникъ,» болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго», то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобоучащимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія «отъ писаній», или разсказывать «просторѣчнымъ сказаніемъ» о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ Святыхъ, какъ на примѣръ, у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ разсказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: ««Не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу.»» Также точно учитель долженъ передавать лѣнивымъ ученикамъ разсказъ о нѣкоемъ Удонѣ, которому тоже Богородица въ видѣніи сказала: «Отселе будеши грамоте умѣти.» Цѣлью этихъ разсказовъ, конечно, было пріохотить нерадиваго къ ученію и возбудить въ немъ ревность и охоту къ наукамъ, и, намъ кажется, въ этихъ разсказахъ гораздо больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ выдуманныхъ сказкахъ, которыми наполнены нынѣшнія дѣтскія книжки, или еще болѣе—въ подаркахъ и игрушкахъ, которыми нынѣшняя педагогика обыкновенно возбуждаетъ въ дѣтяхъ желаніе учиться, и учиться больше изъ за того, что въ перспективѣ ожидаетъ ихъ, за каждую выученную букву алфавита, или пушка, или барабанъ.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косма и Даміанъ, Пророкъ Наумъ и тотъ Святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Относительно двухъ первыхъ покровителей ученія у насъ достовѣрно до сихъ поръ не было извѣстно; по крайней мѣрѣ г. Лавровскій, въ разсужденіи своемъ: «О Древне-Русскихъ училищахъ», говоритъ, что письменнаго свидѣтельства о призываніи учащимися этихъ Святыхъ онъ не находитъ нигдѣ, а по аналогіи съ Греческими школьными обычаями заключаетъ, что, вѣроятно, и у насъ почитались эти святые, какъ патроны учащихся. Предположеніе г. Лавровскаго оправдывается нашими Азбуковниками, въ которыхъ прямо сказано, что «есть обычай

многимъ (учащимся) совершати любезная святымъ Безсребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать.» [1] Относительно Пророка Наума намъ Азбуковникъ открываетъ новый фактъ, именно то, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого Святаго, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться Пророку Науму, такъ же какъ объ успѣшномъ ученіи молятся Іоанну Богослову (въ Азбуковникахъ о немъ же упомянуто, какъ о покровителѣ собственно письма); въ Семинаріяхъ же въ день сего Святаго всѣ богословы отъ ученія свободны.

Наконецъ, самый послѣдній школьный обычай, изъ котораго мы можемъ отчасти усмотрѣть состояніе тогдашняго ученаго сословія, т. е., класса учащихъ и его отношенія къ другимъ классамъ, это—обычай кормить учителя, показывающій зависимость его въ матеріяльномъ отношеніи отъ тѣхъ сословій, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ Азбуковниковъ мы видимъ, что учители нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему дидаскалу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говоритъ къ нимъ самъ учитель:

Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питіа ему приносите.

Или:

Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питіа ему приношайте.

---

[1] Г. Лавровскій приводитъ даже изъ Дюканжа (Constantinopolis Chrstiana. Lib. III, p. 122) стихи Іоанна Евхаитскаго ко храму Космы и Даміана:

Καθ' ἣν ὁμοῦ σύνεισιν οἱ γεγραμμένοι
'Ανάργυρος μεν ὁ τρόπος τοῖς σ·γγόνοις.
Τέχνῃ διατροὶ, θαυματουργοὶ τε πλέον.
"Ην οὖν θέλεις, ἄμισθον ἐξαιτοῦ χάριν,
Θεῖα γὰρ ἐγγὺς, εὐτυχῆς δὲ καὶ τέχνη.

«О Древне-Руских училищахъ», стр. 119. Значитъ, у Грековъ Косма и Даміанъ считались покровителями учащихся. Но съ какого времени и по какому случаю сдѣлались они покровителями наукъ, намъ неизвѣстно.

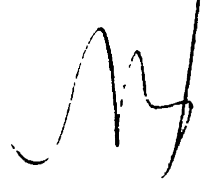
Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ училищъ. Что эти приношенія были добровольныя, какъ приношенія, освященныя обычаемъ и временемъ, видно изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писемъ, въ которыхъ педагоги обращаются за помощью къ родителямъ своихъ воспитанниковъ. Эти письма также помѣщены въ Азбуковникахъ. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается словами: Государю такому-то (т. е., имя рекъ) бьетъ челомъ и плачется работничишко твой такой-то» и пр., говорится, между прочимъ: «Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонасажденнаго древа, единороднаго своего и любезнѣйшаго сына, и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей наученія, а тебѣ, Государю, на душевное утѣшеніе: пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!» Мы не выписали всѣхъ любезностей, которыми наполнено письмо отъ первой до послѣдней строчки: всѣ его высокія выраженія клонятся единственно къ тому, чтобъ, въ концѣ письма, попросить на пропитаніе и на «школьное строеніе.» Въ чемъ состояло это «школьное строеніе,» мы не знаемъ. Еще одно изъ такихъ писемъ до того оригинально, что мы никакъ не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ него нѣсколько любопытныхъ выраженій. Послѣ великолѣпнаго предисловія, проситель говоритъ такими словами:

Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленыхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Возъодари происходящимъ сквозѣ огнь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,

Пчелодѣлнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомолцовъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ. [1]

Я не буду вдаваться въ разысканіе подробностей касательно опредѣленія возраста, въ который начиналось у насъ обученіе грамотѣ; не стану также объяснять методъ и способъ, принятые нашими древними педагогами въ наученіи дѣтей азбукѣ, начиная отъ алфавита и складовъ до чтенія по верхамъ, не зная, какой былъ составъ древнихъ букварей. Незнаніе это не наноситъ, впрочемъ, большаго вреда наукѣ и, вѣроятно, не для многихъ любопытны эти подробности, не важныя для исторіи педагогіи вообще и для исторіи образованія Россіи въ особенности, и мы оставляемъ ихъ тѣмъ болѣе, что не могли почерпнуть ихъ изъ нашихъ Азбуковниковъ, да и въ другихъ историческихъ памятникакъ древней Руси ихъ не много. Напротивъ того, о школьной дисциплинѣ, о школьныхъ обычаяхъ мы сочли необходимостью сказать, сколько могли. До-Петровская Русь была такъ своеобычна, жила такой своеобразной жизнью, что для разгадки ея, намъ мало аналогіи нашего отечества со всѣмъ остальнымъ Западомъ; уясненію древней Россіи не поможетъ вся полная исторія обычаевъ и жизни Западныхъ народовъ: для этого безсильна даже, такъ близкая намъ по всему, исторія Византіи. До Петра Россія стояла и развивалась, если только можно назвать развитіемъ ея медленный ростъ, слишкомъ отдѣльно отъ всего, ее окружающаго, и этого постепеннаго, едва замѣтнаго, перехода отъ Руси до-Монгольской къ Руси временъ Іоанновъ, отъ Руси временъ Годунова къ Руси, воспитавшей Петра, этого нравственнаго окрѣпленія Руси мы не знаемъ, а видимъ только,—и то слишкомъ слабо,—что до Монголовъ Россія была такою-то, при Іоаннахъ такою-то, въ XVII-мъ вѣкѣ такою-то. И семнадцатый вѣкъ мы знаемъ всего менѣе, а еще менѣе оцѣнили его. Движеніе впередъ (и при томъ энергическое движеніе), какое сдѣлала Россія въ этомъ вѣкѣ, и котораго мы еще не поняли и, кажется, не хотимъ понять, одно это движеніе объясняетъ намъ появленіе Петра: личность его не выросла сама изъ себя, отдѣльно

[1] О крѣпкихъ напиткахъ просили еще болѣе вычурно и замысловато, такъ что и догадаться трудно, о чемъ идетъ рѣчь: «Прикажи, Государь, сосудъ наполнити питія именитаго, званіемъ втораго и осмаго и пятдесятъ—перваго»! Это—вина (в=2,=и 8, н=50, а—1!).

и самобытно, какъ у насъ принято понимать, а явленіе ея вполнѣ подготовлено XVII-мъ вѣкомъ, и такая личность необходимо должна была явиться, если не съ державой, то, по крайней мѣрѣ, съ перомъ въ рукахъ. И не эта одна личность начала преобразованіе Россіи: его началъ XVII-й вѣкъ, хотя не такъ быстро и дружно, какъ Петръ, не разрушая вѣковыхъ «забобоновъ», какъ ломалъ ихъ Петръ, и не отнимая у народа того, что ему дорого — **народности**. Если бы событія шли своимъ чередомъ, то, безъ потрясенія основныхъ началъ народности, Россія едва ли бы скоро достигла тѣхъ итоговъ, къ которымъ она приведена была **насильно**. Къ сожалѣнію, это правда и, можетъ быть, **своего, національнаго, утратила бы меньше**. Повторяемъ: въ исторіи развитія нравственныхъ силъ нашего отечества XVII-й вѣкъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто.

Отъ того такъ важно для насъ все, что сколько нибудь объясняетъ это, едва замѣчаемое теперь нами, броженіе умственныхъ силъ Россіи въ періодъ, предшествовавшій явленію Петра Великаго. Потому болѣе это важно, что еще и **теперь мы смотримъ на свою старину съ высоты величія XIX-го вѣка**: изъ снисхожденія мы, пожалуй, не отказываемъ ей въ грамотности, даже болѣе, говоримъ, что предки наши очень любили читать и слушать Священное Писаніе. Но это снисходительное признаніе грамотности нашихъ предковъ слишкомъ недостаточно: хотя мы и не видимъ въ немъ упрека и обвиненія до-Петровской Руси въ варварствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ этихъ отзывахъ того покровительственнаго тона, съ какимъ молодой студентъ хвалитъ мальчика, читающаго бойко по складамъ, не болѣе. Жалко только, что **мы не хотимъ безпристрастно оцѣнить того, что въ самомъ дѣлѣ было у насъ на Руси хорошаго**, что принадлежало ей по праву, добыто ея силами: то ставимъ ее въ уровень съ Востокомъ, съ неподвижнымъ Китаемъ, то ужъ, напротивъ, даемъ ей мѣсто превыше всѣхъ странъ земнаго шара, выше всего образованнаго Запада. Одни говорятъ, что до самаго Петра у насъ не было даже школъ, другіе едва ли не находятъ у насъ существованіе Университетовъ во время Монгольскаго владычества. Настоящей же оцѣнки хоть бы и XVII-го вѣка мы почти не находимъ ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное. Если мы высоко ставимъ заслуги Петра Великаго, то тѣмъ скорѣе обязаны почтить еще болѣе доброй памятью XVII-й вѣкъ который приготовилъ насъ къ переходу въ вѣкъ осьмнадцатый и

въ отношеніи котораго Петръ былъ не что иное, какъ итогъ, какъ явленіе, необходимо вытекавшее изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Россіи.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ, мы должны дорожить каждымъ проявленіемъ дѣятельности въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно такимъ, въ которомъ хоть сколько нибудь высказалось самобытное развитіе нашихъ нравственныхъ силъ. Все, что касается движенія образованія въ нашемъ отечествѣ, въ эту важную эпоху, имѣетъ не меньшее значеніе въ глазахъ людей, занимающихся Русской стариной: съ этой точки зрѣнія, наши Азбуковники становятся довольно важными документами въ лѣтописяхъ нашей образованности, и довольно сильными опроверженіями тѣхъ несправедливостей, которыя мы *сами сочиняемъ про нашу до-Петровскую Русь*.

Прежде всего Азбуковники очень ясно говорятъ о существованіи у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ училищъ для первоначальнаго обученія, въ чемъ, кажется, еще и теперь не перестали сомнѣваться наши ученые, и при томъ такіе, которые, по всей видимости, знаютъ древнюю Русь и любятъ ее безъ всякаго невыгоднаго для нея преувеличенія и излишняго пристрастія ко всему до-Петровскому. Въ одной недавно вышедшей небольшой статейкѣ: «О воспитаніи въ древней Россіи» прямо говорится, что будто бы у насъ *училищъ, даже и для самаго начальнаго обученія, почти вовсе не было*. [1] И это говорится о XVII-мъ вѣкѣ, о томъ времени, когда существовала уже въ Москвѣ Славено-Греко-Латинская Академія. Можетъ быть, почтенный авторъ не досказалъ своей мысли, или хотѣлъ сказать иначе, какъ мы и ожидали отъ него, при его знаніяхъ и, кажется, добросовѣстномъ изученіи нашей исторіи и нашего образованія; но сказано именно такъ, какъ мы привели здѣсь, сказано такъ послѣ тѣхъ дѣльныхъ замѣчаній, которыя мы прочитали у него на первыхъ двухъ страничкахъ. Послѣ этого мы еще больше дорожимъ каждымъ новымъ фактомъ, каждымъ новымъ свидѣтельствомъ, которыми сама древняя Россія, чрезъ уцѣлѣвшіе памятники своей умственной жизни, разрушаетъ наши, ни на чемъ неоснованныя, догадки.

Чему и въ какой мѣрѣ обучали въ нашихъ древнихъ училищахъ, мы все таки и теперь еще не можемъ сказать положительно; но уже

[1] «О воспитаніи въ Россіи въ XVI—XVII-мъ вѣкѣ», А. Рудневъ (Библ. для чт., 1855 г., N. 8, Смѣсь, стр. 136).

не такъ вѣдь теменъ для насъ неразгаданный XVII-й вѣкъ, чтобъ объ немъ ровно ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что у насъ вовсе не было училищъ; училища были, и мы даже знаемъ отчасти обычаи этихъ училищъ, ихъ уставы о учащихъ и учащихся. Согласенъ, что по Азбуковникамъ мы не можемъ судить объ объемѣ тогдашняго обученія. Пожалуй, въ одномъ Азбуковникѣ намекается на то, какое широкое поле постояннаго ученія открывается обучающимся грамотѣ; но говорить, что все то, что перечисляетъ «мудрость», входило въ объемъ преподаванія, мы не въ правѣ, пока другіе факты не рѣшатъ нашего сомнѣнія. Объ изученіи азбуки «мудрость» говоритъ дѣтямъ, что какихъ бы они ни были родителей, богатыхъ ли матерей, или дѣти «тысящна отца», она не требуетъ отъ богатствъ «родичовъ» ихъ почти ничего, «кольми же паче отъ нища,» но отъ всѣхъ вмѣстѣ, богатыхъ и убогихъ, славныхъ и худородныхъ, проситъ одинъ только пѣнязь, «имъ же могу,» говоритъ, «малѣйшую и, мнится, ничто же имущую разума азбуку купити, и тебѣ съ любовію, яко бы главу умящая, вручити, и показовати тебѣ тамо написанныя литеры, або слова, едино по единому, дондеже мало по малу внимати будеши, и яко по лѣствицѣ на высоту, слово по слову, и строка по строкѣ, поступовая, изучаеши.» Вотъ все, что говорится здѣсь о способѣ преподаванія азбуки; этого очень недостаточно. Но «мудрость» продолжаетъ говорить ученику, что, когда онъ выучитъ эту азбуку и будетъ ужь знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ Часословъ и Псалтырь, и относительно этихъ двухъ послѣднихъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что объ нихъ ужь и упоминать не слѣдуетъ, потому что всякій это знаетъ: «ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе не бываетъ.» «Но се тебѣ едино реку,» продолжаетъ она, т. е., вотъ на что обрати вниманіе, вотъ что еще нужно тебѣ, кромѣ Часослова и Псалтыри: «вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслію обноси вся книги тисненыя и писменыя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуду вразумляются и вчиневаются, и чимъ устраяются.»

Преподавалось ли все это въ тогдашнихъ школахъ, хотя поверхностно, изъ Азбуковниковъ рѣшить невозможно, и мы не беремъ на свою отвѣтственность рѣшенія ни за, ни противъ. Довольно того, что въ школахъ нашихъ упоминали о томъ, что еще предстоитъ узнать обучающему грамотѣ, что еще есть важнѣе знанія Часословца и Псалтыри. (Странно было бы послѣ этого утверждать, что цѣль наученія юношей книжному разумѣнію была единственно та, чтобъ приготовить изъ нихъ церковно-служителей, могшихъ свободно читать въ церкви часы и ирмосы съ тропарями—и только). Дѣйствительно, Часословецъ и Псалтырь были необходимыми книгами въ начальномъ обученіи; но умѣнье читать ихъ не было единственною цѣлію и итогомъ ученія: эти книги были ни больше, ни меньше, какъ первоначальныя руководства, служившія и для упражненія въ чтеніи, и для внушенія юношеству тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя въ нихъ заключаются. Религіозно-нравственное направленіе умовъ нашихъ предковъ необходимо требовало отъ юношества знанія молитвъ, приличныхъ доброму Христіанину,—и, естественно, молитвы этѣ находились въ тѣхъ книгахъ, которыя были необходимыми книгами въ богослуженіи. Вотъ почему первыми учебниками нашими явились Часословъ и Псалтырь, какъ собраніе и догматовъ вѣры, и правилъ объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но, кромѣ Часослова и Псалтыри, входили въ объемъ изученія и прочія «Божественныя книги», малыя и великія, рукописныя и тѣ немногія печатныя, которыя мы уже имѣли въ то время.

Какъ бы то ни было, обученіе въ до-Петровской Руси не ограничивалось кругомъ однихъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Я это говорю о школахъ для первоначальнаго обученія, но не о Московской Академіи: въ этой послѣдней, — всякій знаетъ, — требованія были выше и обширнѣе; но и въ училищахъ, для начальнаго обученія, въ училищахъ, которыхъ, вѣроятно, было у насъ не такъ мало, какъ принято думать, ученье не ограничивалось умѣньемъ читать Часословъ и Псалтырь, а распространялось на другія знанія, бывшія внѣ круга церковныхъ книгъ. Не знаю положительно, учили ли наше юношество философіи Дамаскина, преподавались ли ему тѣ знанія, которыя уже были усвоены нашими предками и остались въ нашихъ древнихъ памятникахъ, но то вѣрно, что часть познаній нашихъ предковъ сообщалась уже юношеству и въ школахъ, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться, читая тѣ

трактаты о ходѣ образованія въ древней Руси и о воспитаніи нашего юношества, которые вышли въ послѣднее время. [1] Разумѣется, въ этихъ трактатахъ многое основано на догадкахъ, еще больше выведено, по законамъ аналогіи, изъ какихъ нибудь намековъ; но есть и нѣсколько фактовъ, имѣющихъ историческую важность.

Но Азбуковниками, которые мы имѣемъ теперь въ рукахъ, еще никто не воспользовался должнымъ образомъ, да и немногіе, кажется, знаютъ о ихъ существованіи, между тѣмъ какъ содержаніе ихъ очень разнообразно и имѣетъ интересъ не только педагогическій, но и литературный; главное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, хотя въ малой мѣрѣ, объясняютъ намъ, какими знаніями обогащалось Русское юношество, прежде чѣмъ вступало въ общество и начинало гражданскую жизнь, пополняя опытомъ и чтеніемъ тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтены имъ въ школахъ.

Прежде всего надо замѣтить, что значеніе Азбуковника для насъ теперь не совсѣмъ понятно, но видно, что этимъ словомъ обозначали не букварь, не азбуку и не Алфавиты, замѣнявшіе у насъ Словари, какъ можно бы ожидать по названію, но подъ этимъ именемъ предки понимали, кажется, всякій учебникъ, всякое руководство, предназначенныя для обученія юношества, тѣмъ болѣе, что и содержаніе ихъ ни сколько не соотвѣтствовало названіямъ, и каждый Азбуковникъ былъ отчасти отдѣльнымъ учебникомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего общаго съ прочими. Первый Азбуковникъ нашего сборника, озаглавленный словами: «Школное благочиніе» и пр., въ общемъ оглавленіи стоитъ какъ бы отдѣльнымъ учебникомъ, содержаніе котораго главнымъ образомъ состоитъ изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій, какъ сказано: «въ первомъ азбуковникѣ учителево ученикомъ наказаніе, да въ школѣ о всемъ благочинствуютъ.» И дѣйствительно, изо всего Азбуковника вы видите, что правила благопристойности учащихся, школьные порядки и обычаи и вообще вся училищная дисциплина стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, и только изрѣдка Азбуковникъ уклоняется отъ своего содержанія и передаетъ ученикамъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія. Впрочемъ, по тому, можетъ быть, эти учебники называются Азбуковниками, что содержаніе ихъ располагается большею

---

[1] См. Разсужденіе г. Лавровскаго (Николая): «О Древне-Русскихъ училищахъ.» Харьковъ, 1854.

частію въ алфавитномъ порядкѣ: такъ первый изъ нихъ, состоящій изъ правилъ касательно школьныхъ порядковъ, располагаетъ эти правила по счету буквъ алфавита, и какъ всѣ его изреченія очень кратки и состоятъ больше изъ двустишій, или четверостишій, то прежде, подъ буквою *а*, помѣщены изреченія, начинающіяся съ этой буквы; подъ буквою *б*, тѣ, которыя начинаются съ этой буквы и т. д.; и такъ какъ этихъ изреченій очень много, то каждая буква въ началѣ такихъ изреченій повторяется довольно часто. Въ другомъ Азбуковникѣ эта форма еще страннѣе: тамъ только первая буква цѣлой главы принадлежитъ къ алфавиту; въ прочихъ же Азбуковникахъ нѣтъ даже и этого.

Постараюсь показать, въ чемъ состоитъ первый изъ Азбуковниковъ, содержаніемъ котораго взяты правила касательно школьной дисциплины.

Послѣ предисловія, которое я выписалъ выше, и которое начинается словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе,» потомъ стихами: «Младоумный и маловозрастный отроча» и пр., слѣдуетъ самый Азбуковникъ. На полѣ рукописи изображено киноварью большое А, а противъ него помѣщено начало изреченій на эту же букву:

Азъ есмь начало премудрости,
И податель есмь всякой благости.
Азъ славящаго мя прославлю,
И предъ человѣки честна его поставлю.
Азъ есмь Богъ кающихся,
Пристанище и спасеніе ко мнѣ тщащихся.
Азъ есмь начало и конецъ,
Ищущимъ мене слава и вѣнецъ.

Это—введеніе къ тѣмъ изреченіямъ, которыя разсѣяны по всему Азбуковнику. Какъ всякій можетъ видѣть, это только общія выраженія, которыми должно начаться скучное и томительное дѣло ученія школьныхъ правилъ. За тѣмъ киноварью написано: **Учитель.** Это значитъ, что слѣдующія за этимъ изреченія влагаются въ уста учителю, который яко бы говоритъ:

Азъ ко онѣмъ вышеписаннымъ тя направляю,
Книжному разумѣнію прилежно тя наставляю.
Азъ въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смыслъ,
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.

И такъ далѣе. Подобныхъ двустишій, начинающихся непремѣнно буквою *а*, говоритъ отъ себя учитель много, и всѣ они отчасти сходны между собою и не что иное, какъ разглагольствованіе на одну тему. За тѣмъ киноварью снова написано: ученицы. Это значитъ, что слѣдующія за симъ сентенціи говорятъ къ учителю сами воспитанники; всѣ они въ родѣ слѣдующихъ:

Аще благимъ ученіемъ насъ наслаждаеши,
Страхъ Божій въ сердца наша всаждаеши,
. . . .
Аще нѣкогда и біеніе отъ тебя терпимъ,
Но мы тѣмъ умы своя крѣпимъ.
Аще нынѣ намъ и не мнится радость,
Послѣдиже уразумѣемъ въ себѣ душевную сладость.

И далѣе въ подобномъ же родѣ. И все это упражненія на букву *а*, которая стоитъ въ главѣ каждаго двустишія. Потомъ, наконецъ, написано киноварью: здѣсь слагатель имя свое являетъ. Что значитъ эта фраза? Какой слагатель объявляетъ о своемъ имени? Какъ видно, это лице не должно быть смѣшиваемо ни съ учителемъ, ни съ учениками: его назначеніе какое-то совершенно отдѣльное. Здѣсь, при буквѣ *а*, послѣ сентенцій, сказанныхъ учителемъ, и послѣ отвѣта на нихъ со стороны учащихся, этотъ слагатель, объявивъ свое имя, говоритъ къ ученикамъ такими словами, которыя ясно показываютъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ средѣ ихъ.

Твое отроческое что о семъ написаніи разсужденіе,
Реченное мною благое къ тебѣ любезнѣ умышленіе.

Изъ другихъ мѣстъ Азбуковника также нельзя понять значеніе этого лица. Послѣ послѣдняго двустишія, сказаннаго отъ лица слагателя, начинаются сентенціи на букву *б*, противъ которыхъ опять на полѣ выставлена эта же буква. Надо замѣтить, что первыя сентенціи на каждую букву говоритъ яко бы слагатель отъ себя; такъ и здѣсь, при буквѣ *б*, сначала обращаетъ къ ученикамъ рѣчь свою слагатель; за нимъ говоритъ учитель; потомъ опять этому послѣднему отвѣчаютъ ученики приличными двустишіями. Послѣ всего этого, при переходѣ къ буквѣ *в*, снова является слагатель. Изъ всего, что говоритъ онъ въ цѣломъ Азбуковникѣ (а говоритъ онъ большею частію общими выраженіями) и изъ того, что онъ и къ учителю обращается иногда наставительнымъ тономъ, видно, что слагатель былъ не кто иной, какъ

составитель или списатель самого Азбуковника, сочинитель, потому что ему одному прилично говорить къ учителю наставленіями въ родѣ слѣдующихъ:

Учи дѣти благоразумно все говорити,
Тебе бо сіе прилично есть творити.

Или:

Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спати,
Дивися, аще не на тѣхъ мѣстахъ имутъ возстати.

Непонятно только, къ чему въ Азбуковникахъ приплетать имя, отчество и даже чинъ слагателя. Такъ послѣ буквы *а* написано киноварью: з д ѣ с л а г а т е л ь и м я с в о е я в л я е т ъ, хотя онъ и не дѣлаетъ этого, и мы не знаемъ его имени.

Послѣ двустишій на букву *ж*, которыя всѣ состоятъ въ наставленіи юношества приличнымъ поступкамъ и благонравію, слагатель говоритъ:

Радостно сіе завѣщаніе, о учениче, пріими,
Ко учителю святыхъ ради писаній усердно пріиди,
Въ первой строкѣ слагателево имя совершися,
Во второй началное слово отечеству положися.

О какой это строкѣ говорится, понять нельзя: о первомъ ли двустишіи, или о второмъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ догадаться о его имени и отчествѣ. Послѣ же буквы *л*, въ рукописи отставлено нѣсколько строкъ и на нихъ ничего не написано; но тутъ же сказано далѣе:

«Въ вышеупомянутомъ убо словеси слагателево имя, чинъ и отечество совершися,
Здѣ, его же ради писася, о имени и чинѣ вѣдомость положися.»

Надо полагать, въ этомъ-то пропускѣ послѣ буквы *л* и должно было находиться имя слагателя; но оно не написано, по той, вѣроятно, причинѣ, что должно было писаться киноварью; а киноварныя слова въ рукописяхъ иногда пропускаются, потому что они писались не вмѣстѣ съ другими словами, а вписывались послѣ другимъ перомъ, особенно заглавныя киноварныя буквы. И такъ мы не знаемъ, зачѣмъ оно требовалось въ Азбуковникѣ? Развѣ какъ имя автора предыдущихъ сентенцій?

Всѣ риѳмованныя наставленія ученикамъ касательно поведенія ихъ въ школѣ, дома и на улицѣ, касательно нравственности и наружнаго приличія, приведены мною при разборѣ училищной дисциплины въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ. Кромѣ этого первый Азбуковникъ не представляетъ ничего занимательнаго. Относительно же формы его замѣчу, что только: при первыхъ трехъ литерахъ алфавита, ученики говорятъ отъ себя къ учителю нѣсколько двустишій; при прочихъ же литерахъ говорятъ только слагатель и учитель. Назначеніе этого Азбуковника было, кажется, такое, чтобы юношество, читая его, затверживало тѣ правила, соблюденіе которыхъ требовалось очень строго; можетъ быть, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность выучивать его наизусть, и никто не могъ тогда отзываться незнаніемъ школьныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ требованіяхъ, между правилами о благопристойности, объ умѣньи обходиться съ книгами, объ обязанностяхъ учащихъ и учащихся, разсѣяны приличныя нравственныя наставленія и поученія общечеловѣческія.

И такъ, видимъ, что назначеніе этого Азбуковника специальное, какъ можно было предполагать по самому его названію—«Школьное благочиніе.»

За тѣмъ въ нашемъ сборникѣ слѣдуетъ другой Азбуковникъ съ надписью: «Азбуковникъ вторый». Но это только отрывокъ Азбуковника, потому что содержаніе его очень бѣдно; да и въ общемъ оглавленіи сборника значится: «Азбуковника полъ.» Какъ и въ первомъ, здѣсь нѣтъ ничего, относящагося до науки; а составъ этого отрывка слѣдующій: въ первой главѣ помѣщено наставленіе, какими словами ученики должны привѣтствовать всякого посѣтителя. Когда входитъ въ школу новое, постороннее лице, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени:

Азъ, мнїй рабъ учителя моего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Пришедша, посѣщенія ради, въ школу къ намъ,
Сего ради простираю слово къ вамъ.
Благоволи у насъ, смиренныхъ, сѣсти
И повѣждь намъ благія вѣсти, и т. д.

Въ Азбуковникѣ этомъ помѣщено нѣсколько такихъ рѣчей, въ которыхъ, конечно, на первомъ мѣстѣ наборъ словъ и разглагольствованіе на одну и ту же тему. Каждая рѣчь оканчивается словами:

«Нынѣ и присно.» Когда ученики сядутъ на мѣста, ораторъ продолжаетъ:

Гряди, всечестный отче, гряди,
Настоящаго ученія нашего погляди, и проч.

Такія рѣчи называются «предусрѣтательными словами» или «предусрѣтательными привѣтствіями.» Ихъ предоставлялось выучивать только первымъ ученикамъ, «острѣйшимъ и ключимѣйшимъ,» чтобъ приходящій легко могъ самъ видѣть, что это лучшіе ученики; относительно же «грубыхъ и неключимыхъ во ученіихъ», говорится, чтобъ они не печалились и не приходили въ отчаяніе отъ такого предпочтенія другихъ, да и родителей таковыхъ дѣтей Азбуковникъ утѣшаетъ и совѣтуетъ заставлять дѣтей прилежнѣе молиться. При этомъ написана и молитва для грубоучащихся.

Кромѣ всего этого, въ Азбуковникѣ сказано, что и «приходящіи глаголютъ къ таковымъ (т. е., къ прилежнымъ ученикамъ) удобопристойная нѣкая рѣченіа, въ вящшее ума ихъ къ настоящему ученію возставленіе.» Рѣченій этихъ въ Азбуковникѣ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сходны между собою и имѣютъ характеръ слѣдующій:

Отъ устъ твоихъ слышу слово произносимое,
Моей нищетѣ отъ любве твоея приносимое;
Сіе слыша, яко нѣкое сладчайшее питіе пью,
За любовь твою отроческую премного челомъ бью, и т. д.

Или:

Глаголю вамъ, благочестивымъ отрокомъ,
И всѣмъ, иже суть здѣ, ученикомъ:
Хотяй кто въ сихъ быти мудръ,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ да будетъ глупъ.
Чистотою тѣлесною сіе стяжите,
Юже, яко гривну злату, на ся возложите, и т. д.

До сихъ поръ мы видѣли въ Азбуковникахъ почти одни школьныя правила и постановленія, относящіяся до тогдашней педагогики; но объ ученіи, о передачѣ знаній учащимся, не сказано еще почти ни слова. Виною этому самое содержаніе нѣкоторыхъ Азбуковниковъ, на которые я и обратилъ прежде всего вниманіе по той причинѣ, что мнѣ хотѣлось показать прежде по этимъ Азбуковникамъ тѣ пріемы и обычаи, которые существовали въ нашихъ школахъ до Петра. Въ Азбуковникѣ же, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что

у насъ принято теперь называть Прописями и что въ Азбуковникѣ названо Надписями.

Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ нашего руководства видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе «Азбуковника наказательнаго», и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или «наказаній»; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишій, по два двустишія на каждую букву алфавита. Наказаніе первое о чести родителей и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себѣ двустишія на первыя семь литеръ азбуки, т. е., до *ж* включительно. Наказаніе второе о непочитающихъ своя родители въ настоящемъ семъ житіи, и о небрегущихъ благословеніе ихъ въ своемъ зломъ бытіи, заключаетъ въ себѣ двустишія на слѣдующія семь буквъ; въ остальныхъ двухъ наказаніяхъ остается тоже по семи буквъ, чѣмъ и оканчивается руководство каллиграфіи. Но передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, которое, вѣроятно, также служило ученикамъ образцомъ для описыванія, и изъ этого-то предисловія можно видѣть, что прописи писались, для образца, учителями, и что располагались онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались виршею).

Надписи по азбуцѣ виршею положены,
И строки нравоучительнѣ главизнами распо ожены.

Прибавимъ къ этому, что патронами каллиграфіи, или какъ въ Азбуковникѣ сказано, руководствія, были Іоаннъ Богословъ и Пророкъ Наумъ: первый изъ нихъ, какъ видно, признавался патрономъ письма, на основаніи преданія, а послѣдній уже и по тому, что былъ главнымъ покровителемъ всѣхъ учащихся. Въ прописяхъ къ этимъ двумъ лицамъ относятся такъ:

Святый Апостоле и Евангелисте Іоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегій на перси Христовѣ,
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Яко же онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изображати.
Святый Нророче Божій, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати.

Теперь я не буду долго останавливаться надъ значеніемъ каждаго Азбуковника, и не стану дѣлать окончательныхъ выводовъ на основаніи ихъ содержанія. Я намѣренъ прежде познакомить читателя съ тѣмъ, что имѣютъ эти памятники до-Петровской Руси; я разберу ихъ такъ, какъ будто бы они составляли отдѣльное явленіе въ литературѣ того времени, безъ всякаго отношенія къ прочимъ тогдашнимъ памятникамъ, не дѣлая никакихъ заключеній относительно того, какое мѣсто они занимають въ исторіи нашего развитія. Согласенъ, что такой перечень главъ и содержаній Азбуковниковъ будетъ довольно сухою работой: но я этимъ не кончу. Значеніе этихъ памятниковъ, ихъ важность въ связи со всѣмъ тѣмъ, что у насъ уже сдѣлано для объясненія древней Руси, все это намѣренъ я показать уже тогда, когда намъ будетъ извѣстно содержаніе самихъ Азбуковниковъ. Тогда мы увидимъ, что они заключаютъ въ себѣ новаго и что прибавляютъ къ исторіи нашего образованія, неразлучнаго съ исторіей педагогики. До сихъ поръ покуда мы познакомились нѣсколько съ содержаніемъ трехъ только Азбуковниковъ, а ихъ въ нашемъ сборникѣ находится еще нѣсколько, и содержаніе этихъ послѣднихъ гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ Азбуковниковъ, уже извѣстныхъ намъ. Такъ въ сборникѣ нашемъ есть одинъ полный Азбуковникъ, довольно разнообразный и занимательный по содержанію. Этотъ Азбуковникъ нѣсколько болѣе проясняетъ нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ до-Петровскихъ школахъ.

Въ общемъ оглавленіи сборника упомянутый Азбуковникъ носитъ названіе: «Азбуковникъ полный, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики.» Самое названіе даетъ знать, что здѣсь содержаніе выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ Азбуковниковъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли; что здѣсь говорится о другихъ предметахъ, кромѣ наставленій, касающихся нравственности и приличій, именно здѣсь содержаніе касается уже положительныхъ знаній. Просмотримъ же содержаніе этого Азбуковника.

Кромѣ заглавія въ общемъ оглавленіи сборника, самый Азбуковникъ называется еще иначе. На первомъ листѣ его значится: Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ. Значитъ, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ Азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно нельзя вѣрить: Азбуков-

никъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, дѣти учились въ школѣ еще чему нибудь другому, кромѣ этого Азбуковника; но вѣрно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школѣ, и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Да иначе и предполагать трудно: въ этомъ же Азбуковникѣ говорится, что если учитель и не можетъ читать самъ для учениковъ, во всякое свободное отъ ученія время, то долженъ имѣть у себя помощниковъ изъ своихъ же воспитанниковъ, и они въ этомъ случаѣ должны замѣнять, для товарищей своихъ, учителя и читать имъ этотъ Азбуковникъ, или что велитъ учитель. И все это сказано такъ, что если въ школѣ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышатъ, то все таки учителю вмѣнено въ обязанность не обращать на это никакого вниманія, а читать, потому что дѣти несмысленны, не понимаютъ своихъ пользъ, и учителя это не должно печалить; если иные воспитанники, сказано, «отъ грубости разума, и не сладостно слушаютъ, ниже внемлютъ,» то учитель не долженъ отчаяваться въ ихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: «прочитовай, сказано, твое бо есть точію еже сѣяти», и что, какъ бы они ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда нибудь, хоть навыкомъ, они узнаютъ то, что имъ читаютъ, и даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ Азбуковника каждый день.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ методѣ обученія, даже съ самымъ малымъ прилежаніемъ и самыми ограниченными, воспитанники должны были знать, хотя отчасти, то, что отъ нихъ требовалось. Естественно, что этотъ Азбуковникъ, отъ частаго повторенія, они выучивали довольно твердо и отчетливо знали его содержаніе. А вотъ о содержаніи-то именно мы и хотимъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Весь Азбуковникъ состоитъ изъ главъ, которыхъ число соотвѣтствуетъ числу буквъ Славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, коими не можетъ начинаться слово, какъ ъ, ь, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой *а*, надъ второй *б* и т. д.; но, кромѣ того, какая буква выставлена надъ главой, той же самой буквой и глава начинается. Сверхъ этого каждая глава снабжена чѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго преди-

словія, состоящаго изъ четырехъ двустишій, въ которыхъ сокращенно излагается содержаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только передъ нѣкоторыми главами недостаетъ стихотворнаго предувѣдомленія; но для нихъ оставлено мѣсто, какъ будто бы авторъ, или переписчикъ, намѣревался добавить ихъ послѣ. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говоритъ отъ своего лица сама мудрость, называя себя Софіею и Словесницею: «Софія же азъ есмь премудрость: тако бо нарицаюся Греческимъ языкомъ, Словенскимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете (говоритъ она къ Русскимъ ученикамъ), нарицаюся мудрость»: въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о своей особѣ такими словами: «Се азъ прехитрая словесница мудрость». Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое названіе, и въ самомъ дѣлѣ говоритъ очень хитро и затѣйливо: отъ этого много теряетъ содержаніе Азбуковника, потому что мудрость, прежде чѣмъ скажетъ дѣльное слово, наговоритъ столько пустыхъ фразъ, такъ разбавитъ водой свои поученія, что за фразами съ трудомъ можно понять, что дѣйствительно она желаетъ сказать. Въ этомъ, конечно, виновато отчасти общее направленіе того времени, когда фраза, распространенная приличными словесы и достойно украшенная, дѣлала честь своему творцу; но главная причина такого явленія въ языкѣ — бѣдность идей, недостаточность знаній: потому что нищету мысли мы всегда стараемся прикрыть фразой, и если ничего не имѣемъ сказать положительнаго, хоть, на примѣръ, объ Ариѳметикѣ, то говоримъ о ней такъ, какъ говоритъ мудрость: «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекше Русскимъ языкомъ, Числительница, понеже многочисленныя науки разумѣти научаю....... на высоту небесную воспаряю, и тамо превыспренняя исчитаю, въ широту земли сія простираю и заочная дѣла исправляю, во глубину моря снисхожду и водныя пучины прямо измѣряю, и путь къ шествію кораблемъ безъ претыканія излагаю» и пр. Конечно, такими словами она не научила учениковъ сложенію и вычитанію, а наговорила много.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою *а*. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Для образца выпишемъ это первое предисловіе:

Духовнїи мои о Господѣ и любезная братія,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказанія,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
О мудрости слову прилѣжно внемлите,
Которая изначала дній съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудетъ;
Сія хощетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

За тѣмъ изображено большое *А*, а подъ нимъ начинается самый Азбуковникъ: «Азъ есмь альфа и Ѡ, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сый, и бѣ, и грядый, Вседержитель. Всяка Премудрость отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ создася премудрость, и разумъ мудрости отъ вѣка; самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на вся дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его.» Въ такомъ духѣ написана вся глава—великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости, конечно, взяты больше изъ Священнаго Писанія, и какъ нарочно подобраны мѣста, самыя лестныя для мудрости и преимущественно для мудрыхъ: «Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноша остръ обрящется въ судѣ и вѣщающему внимаютъ; сею Царіе царствуютъ» и проч.

Кто не захочетъ послѣ этого быть мудрымъ? Все это въ одномъ тонѣ повторяется и въ другихъ главахъ, и отъ того теряетъ свою силу, становится натянутымъ, скучнымъ и, естественно, не всякій могъ рѣшиться искать мудрости такой утомительной, дорогой. Свѣдѣній здѣсь не передано никакихъ; въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже похвала, какъ видно, сочиненная у насъ, на Руси, нашими учеными предками; здѣсь взываютъ къ дѣтямъ, чтобъ они звали къ себѣ мудрость, какъ госпожу и любезную невѣсту, чтобъ любили ее выше всего. Во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почаще прочитывать, прося у Бога мудрости. Это молитва Соломона, въ которой онъ молилъ Бога о дарованіи ему мудрости.

Въ четвертой главѣ, подъ буквою *Г*, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало. Она любезно объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ

и Любви; за тѣмъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. Для XVII-го вѣка, и притомъ для дѣтей, подобныя объясненія мудрости и ея началъ очень удовлетворительны: по крайней мѣрѣ, мы видимъ желаніе заохотить дѣтей къ слушанію и пониманію того, что имъ будутъ объяснять въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь мы замѣчаемъ что-то въ родѣ системы; здѣсь есть переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ общихъ мѣстъ къ знаніямъ положительнымъ. Этотъ Азбуковникъ, какъ дѣтская книга, или вообще какъ учебникъ. для Русскаго юношества XVII-го вѣка не безъ достоинствъ, какъ мы увидимъ, разбирая постепенно его содержаніе.

Послѣ объясненія началъ мудрости и того источника, изъ котораго она проистекаетъ, вниманіе дѣтей обращали къ другому предмету, передавая имъ важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать нѣкоторымъ образомъ введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки въ общей массѣ, исключая тѣ немногія личности, которыя ярко свѣтятъ въ Руси XVII-го вѣка, т. е., въ Руси, не видѣвшей еще Петра Великаго; повторяю, это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и, не забудемъ, писанное лицемъ духовнаго сана. И такъ въ этомъ введеніи мало помалу развивали взглядъ дѣтей на предстоящее ученіе Потомъ уже давали имъ понять значеніе и важность науки (опять таки какъ понимали ее предки). Здѣсь-то давали имъ знать, что наука — общее достояніе, и какъ пріятно знаніе само по себѣ, такъ же точно полезно и необходимо примѣненіе знаній въ практической жизни и на службѣ государственной; здѣсь-то именно говорится, что ученіе необходимо для всѣхъ, какъ для дѣтей богатыхъ родителей и даже тысящна отца, такъ для бѣдныхъ и самыхъ нищихъ, для дѣтей изъ хорошихъ фамилій и для дѣтей послѣдняго мужика (земледѣльцевъ, какъ мы уже видѣли выше въ этой статьѣ), и что единственный расходъ для этихъ бѣдняковъ будетъ цѣна азбуки—пѣнязь, на который можно было бы мальчику пріобрѣсти себѣ учебникъ; здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтыри, безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ: потомъ взору учащагося представляется все богатство свѣдѣній и книгъ тисненыхъ и писменныхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; за тѣмъ, все, отно-

сящееся до царской власти, все что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ «во всѣхъ судебныхъ полатахъ»: все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и «до поселянъ»; всѣ «дѣла и крѣпости,» ихъ порядокъ и производство, ко всему этому ведетъ азбука, «юже ты единѣмъ пѣняземъ купилъ еси», какъ преддверіе къ тѣмъ обширнымъ знаніямъ, которыя предстоитъ познать обучающемуся юношеству

Повторяю снова, что изо всего этого нельзя заключать, чтобы въ до-Петровской Руси цѣлью обученія дѣтей было желаніе сдѣлать изъ нихъ церковнослужителей, могущихъ свободно читать службы и каноны, и только. Достойно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ глазами юношества то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, въ это же самое время ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевелъ, истину отъ лжи и раскола. «Есть,» сказано въ Азбуковникѣ, «во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, кромѣ тисненіемъ изданныхъ, (?) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевелъ, какъ куколь въ пшеницѣ; не плевелъ, глаголю, Римскій,» т. е., отступленіе отъ Православно-Каѳолическія вѣры, «но другой, внесенный къ намъ еще мудренными, безумными людьми, иже во многихъ градѣхъ и весехъ, паче же рещи въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевеліа двояко, си есть, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ.» И вотъ, во избѣжаніе всего этого, дѣтямъ совѣтовали убѣгать отъ такихъ неблагонамѣренныхъ людей. Если, продолжаетъ мудрость, и скажетъ кто нибудь тебѣ, что вотъ это для юноши хорошо и полезно, то ты отвѣть тому совѣтнику, что я, де, еще глупенькое дитя, ничего не смыслю и не знаю, полезно ли для меня, или вредно то, что ты предлагаешь: «но аще хощеши, да даси мнѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю», и онъ мнѣ объяснитъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, для обучающейся молодежи это было необходимое предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ; обличительныя воззванія противныхъ партій находили себѣ ревностныхъ защитниковъ, и юношество, особенно нѣсколько развившееся, могло быть увлечено всѣмъ, потому что и тогда

молодость не жила безъ увлеченій. Вотъ почему необходимо было учителю предостеречь воспитанниковъ, начинавшихъ свое образованіе подъ его присмотромъ.

Знаніе своихъ обязанностей и школьныхъ уставовъ считалось также необходимою принадлежностью первоначальнаго образованія. Хотя въ предлежащемъ Азбуковникѣ все это изображено очень кратко; однако, сличая его съ другими учебниками того времени, намъ удалось собрать довольно фактовъ относительно этого предмета; другіе Азбуковники пополняютъ то, чего недостаетъ въ разбираемомъ нами учебникѣ. Мы разобрали выше все, относящееся до школьной дисциплины, такъ что изъ всѣхъ выписокъ составился довольно полный уставъ, которымъ руководствовались наши до-Петровскіе педагоги. Въ настоящемъ Азбуковникѣ училищныя правила помѣщены послѣ разсмотрѣннаго нами введенія и слѣдуютъ какъ разъ за объясненіемъ важности и обширности знаній, какія предлагала тогдашняя письменность, и за предостереженіемъ юношества не вѣрить всему и не увлекаться всѣмъ, что есть въ книгахъ. Я считаю излишнимъ передавать читателю всѣ правила, которыя преподавались нашему юношеству, тѣмъ болѣе, что они уже отчасти извѣстны изъ тѣхъ отрывковъ, которые приведены въ началѣ статьи. Въ настоящее время, въ нашъ XIX-й вѣкъ, училищныя правила входятъ въ особенное руководство, преподаваемое дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ преподававшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, подъ названіемъ «Правила для учащихся»; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, на пр., въ Университетахъ, правила другія, и суть не что иное, какъ извлеченія изъ Свода Росс. Законовъ, изъ Устава объ училищахъ; въ XVII-й же вѣкъ Правительство еще не касалось въ своихъ законоположеніяхъ этой отрасли народнаго образованія (въ 1682 только дана была привиллегія Московской Славено-Греко-Латинской Академіи, но больше ничего), и потому народъ самъ, а особенно духовенство, понимая необходимость образованія, каково бы оно ни было, сами о себѣ заботились и въ своихъ школахъ руководствовались своими правилами, семейнымъ или домашнимъ образомъ, и правила эти были—простой обычай, руководимый здравымъ смысломъ нашихъ доморощеныхъ педагоговъ. Спасибо имъ и за это.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили постепенно къ принятію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить хотя энци-

клопедически съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ, конечно, ученіе распредѣлялось по днямъ недѣли, а воскресные и праздничные дни посвящались отдохновенію, то естественнѣе всего было объяснить имъ происхожденіе и значеніе недѣли. Здѣсь ученики узнавали, что седмица установлена еще издавна философами (т. е., вообще учеными), сообразно съ солнечнымъ и луннымъ теченіемъ: что ею мѣряются мѣсяцы, мѣсяцами годы, а годами вѣка; что у разныхъ народовъ и названія дней различны. Здѣсь же истолковано было дѣтямъ, что значило у Евреевъ «во едину отъ субботъ», что значило у нихъ «предсубботіе», и какъ назывались остальные дни недѣли. Такимъ образомъ ученики знакомились уже съ предметами, которые были внѣ ихъ понятій. За тѣмъ, послѣ объясненія субботы и дня успокоенія, имъ опять напоминали о дисциплинѣ и о томъ, что они должны были дѣлать въ праздничные дни.

Съ объясненіемъ значенія дней недѣли, натурально связаны были первыя начала Священной исторіи: дѣтямъ разсказывалось, изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Надо думать, что на знаніе Священной исторіи обращали у насъ преимущественное вниманіе, потому что значеніе Священнаго Писанія было непослѣдней цѣлью образованія до-Петровской Руси. Но посмотримъ лучше, какимъ путемъ шли наши педагоги въ послѣдующемъ обученіи своихъ воспитанниковъ, и на что еще обращали вниманіе учащихся.

Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Впрочемъ, знакомство было очень не важное. Дѣти узнавали только, что съ воскресеніемъ Христа отложено празднованіе субботы, а принятъ день воскресный, какъ память искупленія; что все это сдѣлано Сильвестромъ, Папою Римскимъ, «украшеннымъ всякою премудростію Еллинскою и Римскою»[1] что онъ назвалъ дни Греческими именами: киіакинъ, воскресенье, девтеранъ, тритинъ и т. д. Но очень

---

[1] Это событіе обозначено въ Азбуковникѣ годомъ «5843, инде 5856,» а отъ Р. Х. въ 343 или 356 году. Странно, какъ это здѣсь сосчитано. Если, положимъ, 5843 г., отъ Сотв. міра, то это будетъ 335 по Р. Х.; а если 5856, то 348. Въ Азбуковникѣ же сказано, что эта перемѣна произошла при Константинѣ Великомъ; но онъ царствовалъ до 337 года. Ужъ вѣрнѣе 5843 г., отъ Сотвор. міра, но не 343 по Р. Х. За чѣмъ вездѣ взято по восьми лѣтъ?

ства и полузвательства, т. е., гласныхъ и согласныхъ, и мы не передаемъ его, какъ не важное. Звательныхъ буквъ считается четырнадцать: а, є, и, ї, ѵ, оу, ѿ, ы, ѣ є, ю, ѧ, ѫ, ѡ, и три изъ нихъ прикладніи, и ихъ собственно нѣтъ въ азбукѣ, а узнать ихъ можно въ книгахъ по связи съ другими: это суть: а, оу҆ и ѵ. Здѣсь же прибавлено, что слогомъ называется то, когда послѣ одного, или двухъ, или трехъ полузвательныхъ стоитъ звательное «писмя;» а если звательное стоитъ предъ полузвательнымъ, то будетъ предложеніе: если звательное послѣ звательнаго, то это значитъ приложеніе; если же полузвательное послѣ полузвательнаго, то это утѣсненіе.

Полузвательныхъ насчитано двадцать четыре: б, в, г, д, ж, з, ѕ, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ, ѳ; изъ нихъ грубыя: б, в, г, д; шепетливы: ж, ч, ш; сипавы: з, ѕ, п, с; нѣмы: л, м, н; громны: к, р, т, ц; натужливы: ф, х, ѳ; ясны: щ, ѱ, ѯ.

Возразительныхъ и накончательныхъ двѣ: ъ-толстое и ь тонкое.

Потомъ ученикъ спрашиваетъ о количествѣ гласныхъ, и получаетъ въ отвѣтъ, что ихъ одиннадцать; оказывается, что это тѣ самыя гласныя, которыя на предыдущей страницѣ онъ назвалъ звательными, именно: а, є, и, ї, о, оу, ѣ, ѧ, ѡ, ѵ и раздѣляетъ ихъ на долгія: и, ѣ, ѡ, ы; краткія: є о, ѵ, и двовременныя: а, ї, ѧ, ѵ. Замѣтно, что здѣсь многое перепутано, потому что между гласными не поименованы всѣ, а потомъ оказались лишнія буквы. Видно, что у писавшаго были сбивчивыя понятія о фонетикѣ и особенно о раздѣленіи буквъ. Кромѣ того кстати или не кстати замѣчено, что если въ концѣ слова встрѣтится ѧ, то надо писать ѧ̀ съ варіею (т, е., съ тяжелымъ удареніемъ), или безъ нея: также пиши: ѧ, ю. а послѣ ї всегда ставь а.

И такъ, это были первыя знанія, какія пріобрѣтало наше юношество въ школахъ, и первое его знакомство съ грамматикою роднаго языка. Можетъ быть, эта сбивчивость въ изложеніи зависитъ отъ писца, который самъ не былъ силенъ въ филологіи: но это все таки не мѣшало дѣтямъ знать по возможности грамматику языка, на которомъ они должны были излагать свои мысли. Впрочемъ, мы увидимъ дальше, что филологическія свѣдѣнія въ до-Петровскихъ училищахъ были очень хороши для того времени, особенно

для дѣтей, имѣвшихъ возможность развить свои знанія и внѣ школьныхъ стѣнъ. Только системой и стройностью въ своихъ изложеніяхъ не могли похвалиться наши педагоги.

Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ и вездѣ. Передъ этой главой то же есть стихотворное предувѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

О первобытной азбуцѣ отъ Сиѳа, сына Адамля, сложенной,
Отдревле и до нынѣ извѣстіемъ нигдѣ же ей явленной,
Истинною жъ отъ Моисея пророка зачало ей пріемлемъ,
Подобнѣ и о Латинстѣй и Еллиногречестѣй начало взъемлемъ,
О Словенстѣй Святымъ Кирилломъ сложенной вѣщати починаемъ,
И отъ Святаго Стефана Епископа сложенной Пермскою азбукою совершаемъ.

Сказавъ, что первобытная азбука была изобрѣтена Сиѳомъ, но что объ этомъ событіи не упомянуто ни въ какихъ достовѣрныхъ книгахъ, Азбуковникъ переходитъ къ сказанію объ изобрѣтеніи Римской азбуки нѣкоею царевною Арфаксадою, которая царствовала «во странахъ западныхъ» съ своимъ братомъ, убившимъ отца; за отцеубійство они были прогнаны своимъ народомъ и поселились на Тигрѣ (не Тибрѣ ли?), основавъ тамъ городъ. Азбука изобрѣтена Арфаксадою въ 4735 году отъ Сотворенія міра, или въ 773 году до Рождества Христова. Греческая азбука изобрѣтена семидесятью двумя философами. «Нашу же Христіанскую и Словенороссійскую азбуку сочини и сложи.... Константинъ» и т. д.,—повторяется извѣстное всѣмъ мѣсто, записанное и въ лѣтописяхъ и въ житіяхъ. Событіе это означено годомъ 7366 или 866 по Р. Х. [1]

Кромѣ всего этого, дѣтямъ разсказывали объ изобрѣтеніи у насъ, у Славянъ, другой азбуки—Пермской, для Пермскаго языка, «иже

[1] Опять невѣрность хронологическая (ср. предыдущую сноску). О Константинѣ сказано: «иже научи Моравлянъ, и Болгаръ, и Славянъ, си есть насъ, вѣрѣ Христовѣ и преложи грамоту Греческую на Россійскій языкъ прежде крещенія Россійскія земли за 130 лѣтъ, и преставися въ лѣто 6377.... и погребенъ бысть въ Каталонѣ (?) градѣ лѣта 131.—Царь Михаилъ, по прошенію Болгаровъ и Славянъ, даде имъ архіерея, еже крестити Русы; они же унывъ, рекоша: «Кое знаменіе твориши ты, да крестимся?» И рече имъ: «просите, что хощете.» И рекоша: «да ввержеши Евангеліе во огнь, имъ же пы учиши.» Се же и бысть и не згорѣ. И тако вси крестишася съ радостію.»

бѣ грубѣйше еще отъ насъ рѣчію»; что изобрѣлъ ее Стефанъ, Епископъ Пермскій, начавъ отъ перваго слова *а*, какъ у Римлянъ; вторую же букву, вмѣсто Латинскаго бе, назвалъ буръ [1] и т. д. Всѣхъ буквъ Пермской азбуки двадцать четыре. Книгъ же, писанныхъ на этомъ языкѣ, въ Россіи не обрѣтается, «развѣ точію въ Перьмской странѣ.»

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія имѣли свое достоинство, особенно будучи переданы дѣтямъ въ ихъ обыденномъ руководствѣ, которое, какъ кажется, было ихъ настольною книгою. Подобные матеріалы, помѣщенные и въ нынѣшнемъ учебникѣ, не повредили бы его достоинству. Но мы посмотримъ далѣе, что еще передавалось дѣтямъ относительно грамматики.

Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и пр. Особенно требовалось знаніе, какъ «ять съ естемъ различати», чтобы никакъ не писать вмѣсто пѣніе—пеніе, сѣсти—сести и пр. «Сіе бо, прибавлено, вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію.» Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ камора облеченная; за тѣмъ еще два знака: краткая и исо. Кто учился грамотѣ по Церковнославянскому букварю, тотъ, вѣроятно, помнитъ эти знаки въ концѣ букваря, употребляющагося и теперь у простонародія: тамъ есть и оксія, и исо, и варія. Въ Азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ Азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики, отдѣльныя сочиненія, изъ которыхъ заимствовались, или которыми руководствовались, преподаватели, и съ которыми, вѣроятно, знакомили своихъ воспитанниковъ.

Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, которой содержаніе нисколько не соотвѣтствуетъ ни предыдущей, ни послѣдующей. Глава эта, по какому-то случаю, обращается къ Русской исторіи и передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Руси имена давались у насъ по произволу, т. е.,

[1] См. Описаніе рукописей Румянц. Музея, подъ N CCCLIX-мъ, гдѣ вся Пермская азбука и гдѣ вторая буква не буръ, а бувъ, и т. д., стр. 514.

какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли; отъ того у насъ существовали имена: Богданъ, Бажѣнъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, [1] которыя въ настоящее время обратились въ прозвища. Но потомъ В. К. Владимиръ, «который всею страною, въ ней же мы нынѣ жительствуемъ, владѣлъ,» принялъ Христіянскую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ Греческаго и съ Еврейскаго языковъ. Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія очень поверхностны и лишены ученой формы, даже такое изложеніе нисколько не систематично; но все же, хоть разсѣянно и не въ порядкѣ, а передавались юношеству понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ, и того довольно. Этотъ Азбуковникъ вообще представляетъ что-то въ родѣ энциклопедіи, сообразной съ понятіями нашихъ предковъ и не лишенной интереса для дѣтей, только начинающихъ свое образованіе; такъ, послѣ этой главы, вниманіе учащихся снова переносили къ грамматикѣ и снова объясняли имъ особенности языка Славянскаго.

О верхней просодіи и строчномъ препинаніи,
Приглашаю всѣхъ васъ со умными вниманія,
Въ тисненой азбуцѣ любомудро положенныхъ,
Многими книжными реченіи разведенныхъ,
Вся же со извѣстіемъ разумно явленно,
Краткимъ сведѣніемъ вельми удивленно.
Должни суть учители сами сія знати
И всѣхъ учимыхъ у себе добрѣ научати.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе то, что содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки, въ которой все это, какъ видно, разведено многими книжными реченіями; а здѣсь, въ Азбуковникѣ, какъ сказывается, это же самое «краткимъ сведѣніемъ вельми удивленно,» т. е., сокращено и упрощено. О существованіи печатныхъ азбукъ въ XVII-мъ вѣкѣ мы знаемъ. [2] Но здѣсь, оказывается, старались примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ, и эта обязанность лежала на учителяхъ. Такимъ образомъ, изо всего, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ «тисненыхъ» книгахъ, на примѣръ, относительно знаковъ строч-

[1] См. подобное мѣсто у Востокова: Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 2, 6—7.
[2] См. Домаш. бытъ Русск. Цар., Забѣлина.

ныхъ и надстрочныхъ, изо всего этого дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на знаки, и вообще на правописаніе, было обращаемо большое вниманіе, и потому дѣтямъ пояснялись всѣ знаки надстрочные и строчные, не только Славянскаго письма, но и книгъ иностранныхъ и языческихъ (вѣроятно, Греческихъ?). Достаточно выписать одни названія этихъ знаковъ, чтобы видѣть, сколько труда стоило мальчику понять значеніе каждаго изъ нихъ, особенно когда объясненія этихъ значеній такъ темны и сбивчивы. Вотъ знаки, которые были тогда приняты «во Словенороссійстѣй азбуцѣ печатно», и сохранились еще до сихъ поръ въ нашей церковной печати и въ букваряхъ: оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. Не стану выписывать толкованій, гдѣ каждый изъ знаковъ ставится; но замѣчу, что касательно титла сказано: «титло сіе есть покрытіе или взметъ; пишется надъ святыми рѣчьми, величества ради, славы и святбы» и т. д., ерокъ иначе называется ертица; вопросительная или подіостоліа (вѣроятно, иподіастола?); удивительная иначе называется прибыльца, а вмѣстительная «въ Кіевскихъ переводѣхъ» именуется клямра. Но это еще не все: эти знаки приняты были въ печатныхъ Славянскихъ книгахъ; но сколько еще было такихъ знаковъ (взятыхъ изъ древнихъ, изъ иностранныхъ и изъ языческихъ книгъ, — слова Азбуковника), которыхъ «аще и не нужно кому мнится угодно быти, но обаче вѣдомости ради должно есть вѣдети и знати.» И вотъ, вѣдомости ради, ученики должны были знакомиться съ этимъ безконечнымъ рядомъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ; однако, со стороны учителя въ этомъ видна хорошая цѣль: знать эти подробности необходимо всѣмъ «хотящимъ преписовати святыя книги,» и потому онъ совѣтуетъ своимъ воспитанникамъ на всякій случай помнить ихъ значеніе и употребленіе. Эти знаки суть: раздвижка (не буду передавать ихъ начертаній, потому что для напечатанія они не удобны), атрикаль, слогіа, вторая, стяга или кекдима, чашка, дасія, статіа и сквады. Употребленіе ихъ тоже не считаю нужнымъ объяснять, потому что статья моя удлиннилась бы много, не много выигравъ отъ поясненія мелочей, которыя важны, можетъ быть, въ спеціально-филологическомъ трудѣ, но не въ объясненіи состоянія нашихъ

школъ. Далѣе, учитель передаетъ дѣтямъ значеніе просодій, взятыхъ имъ изъ осмочастной книги, т. е., изъ грамматики. Просодіи были слѣдующія: оксія, варія, перисполени, макра, врахія, дасія, псили, апострофосъ, ѵфенъ, уподіастоли. Относительно макра, врахія, апострофосъ и ѵфенъ замѣчено, что они «у насъ Русовъ никакоже потребны,» у Грековъ же «потребны зѣло, подобнѣ и у Латинъ;» но иподіастола «у Русовъ потребна.» Кромѣ этихъ просодій, учитель прибавлялъ еще отъ себя о нововводимомъ знакѣ, котораго въ прежнихъ Славянскихъ рукописяхъ не было. Кто знакомъ съ рукописными памятниками древней Руси, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что наши писцы не употребляли переноснаго знака (—, или =, или нѣмец. -) и переносили часть слова въ другую строку, не означая ничѣмъ переноса. Такъ вотъ относительно этого предмета и говоритъ Азбуковникъ: «недотяга или недоступка =, которая ставится въ концѣ строки, недоконченой ради рѣчи, которая во второй строкѣ скончатися имать: ея же прежде Словяне, или вѣденіемъ или невѣденіемъ, точію отнюдъ не полагаху въ строкахъ; нынѣ же благодатію Христовою радостно пріемлютъ и исправляютъ, навыкше зрѣніемъ въ иноязычныхъ, си есть во Еллиногреческихъ и Латинскихъ, паче же Кіевскихъ книгахъ.» . . . .

Но довольно о правописаніи и строчныхъ знакахъ. Кстати замѣчу, что многіе изъ этихъ знаковъ имѣютъ общее названіе и подобное же начертаніе съ нашими крюковыми нотами, какъ это можно видѣть у Востокова, въ Опис. рукоп. Румянц. муз., на стр. 650, 651, 652, 653, 654.

Есть также общее и съ крюковыми нотами Грековъ, какъ это видно изъ Греческаго нотнаго стихираря XIV в., который также довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аѳанасій.

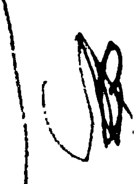
Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ Азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ Азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники навыкали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались паденіями, которыя были: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предлогомъ *отъ* и *о*. Средній родъ назывался посреднимъ, мѣстоименія назывались прониненіями,

къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы супружествами. Склоненія въ Азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Я не намѣренъ разбирать достоинства и недостатки грамматики, преподававшейся въ нашихъ древнихъ школахъ: тогдашнія руководства, конечно, были хуже нынѣшнихъ. Но для насъ довольно одной увѣренности въ томъ, что эти руководства—были, что грамматику въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ знали, и что ученикамъ ставилось въ непремѣнную обязанность—знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время. Свѣдѣніями этими обязаны мы Азбуковнику, который разбираемъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнія очень утѣшительны и бросаютъ новый свѣтъ на исторію нашего развитія до начала Петровскихъ преобразованій.

Не вдаваясь въ болѣе подробное обозрѣніе Азбуковника, я умолчу о содержаніи прочихъ его главъ, изъ боязни, чтобъ статья моя не показалась единственно разборомъ содержанія учебниковъ, которыми руководствовались воспитанники въ нашихъ школахъ XVII-го вѣка; для насъ довольно знать, чему и въ какой степени обучалось наше юношество въ частныхъ школахъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что передавалось въ школахъ ученикамъ относительно личности извѣстнаго Максима Грека, и добавлю еще извѣстіемъ о томъ, что въ этихъ же школахъ давалось дѣтямъ понятіе о семи мудростяхъ, о такъ называемыхъ Septem artes liberales, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея Университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ Trivium и Quadrivium.

Въ главѣ подъ буквою Х, учитель обращается къ ученикамъ и говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, «иже бѣ у насъ въ Россіи пресловущій философъ и изящный преводникъ Божественнымъ книгамъ.» «Этотъ Максимъ Грекъ,—продолжаетъ,—оставилъ по себѣ память Словенороссійскому роду, какимъ способомъ можно узнать настоящаго философа.» Онъ говоритъ: «мнози убо обходятъ грады и земли, овы убо куплею, овы же художествомъ всякимъ, ремествомъ и книжнымъ искуствомъ, Греческимъ или Латинскимъ; есть же и Ерусалимскимъ (значитъ и тогда тоже было, что теперь дѣлается); изъ этихъ-то гостей, одни совершенны суть, другіе отчасти, иніи же отнюдъ не вкусивше художнаго вѣденія книжнаго, рекше грамматикійскаго

и риторскаго, и прочихъ чюдныхъ учительствъ Еллинскихъ, обаче хвалятся вѣдети вся, користоватися желающе и кормитися.» И потому Максимъ Грекъ оставилъ по себѣ «мало строкъ списанныхъ Еллинскимъ образомъ мудрымъ на искушеніе всякаго хвалящагося.» Этими строками онъ завѣщалъ испытывать всѣхъ иностранцевъ, всѣхъ chevaliers d'industrie, которыхъ и тогда уже можно было встрѣтить на Руси, хотя, вѣроятно, не такъ много, какъ теперь; испытаніе это должно было состоять въ слѣдующемъ, какъ говоритъ самъ Максимъ Грекъ въ нашемъ Азбуковникѣ: «Аще нѣкто по моемъ умертвіи пріидетъ къ вамъ въ Афетороссію.... первѣе вопросите его: коею мѣрою сложени суть строки тѣ: и аще речетъ иройскою и елигійскою мѣрою, истиненъ есть и льсти въ немъ нѣсть. Еще рцыте ему: коликими ногами обоя мѣра совершается. И аще отвѣщаетъ, яко иройская убо шестію, а елигійска пятію, ничто же прочее сумнитеся о немъ: предобръ есть! Пріимите его съ любовію и честію, и елико у васъ живетъ, жалуйте его нещадно. И егда хощетъ возвратися во свое, отпустите его съ миромъ, силою не держите у себе таковыхъ: нѣсть бо похвально..., яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагая страннолюбію; лѣпо есть любити гостя у насъ живущаго, и хотящаго отъити пустите. Простая же рѣчь глаголется: «то есть гостю почесть, что воля; аще неволя гостю, то есть плѣнникъ, а не гость». Еще потому можно было узнать совершеннаго философа, если кто къ нашей азбукѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ Греческаго алфавита, Дѣйствительно, не трудно доставался и тогда пришельцами дипломъ совершеннаго философа. А это доказываетъ только скудость нашихъ познаній въ то время, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, наше всегдашнее гостепріимство.

Толкованіе семи свободныхъ мудростей помѣщено въ концѣ Азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ. Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предословія такія, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается выказать ученикамъ свои достоинства и хвалитъ обширность своихъ примѣненій, т. е. гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

Г. Востоковъ отчасти познакомилъ уже свѣтъ съ каждымъ изъ такихъ предисловій, выписавъ начало ихъ въ своемъ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музея;» но выписки его заключаютъ только первыя слова предисловій, первыя фразы каждой мудрости; сущности же предисловій нельзя узнать изъ такихъ коротенькихъ отрывковъ. Потому я намѣренъ показать здѣсь, что именно находится въ предисловіи каждой мудрости, что именно пріобрѣтали ученики, выучивъ всѣ семь главъ о мудростяхъ и ихъ примѣненіи. Само собою разумѣется, что на содержаніе ихъ я буду смотрѣть глазами того вѣка, примѣняясь къ понятіямъ, которыя уже теперь для насъ чужды и кажутся слишкомъ ограниченными. О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школѣ уже тогда, когда понятія юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены: «сію нынѣ совершеннымъ самъ въ любомудромъ разумѣ являю премудрую въ философіи грамматику.» И этимъ начинается изложеніе этой первой мудрости.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей—грамматика. Такъ какъ мы уже отчасти познакомились и съ содержаніемъ и съ способомъ преподаванія грамматики, то здѣсь и не будемъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе еще, что все предисловіе исполнено общихъ мѣстъ и витіеватыхъ фразъ, которыхъ содержаніе, однако же, клонится къ одной мысли, что грамматика полезна сама по себѣ и важна для учащихся. «Много вси мудрыи витіи,—говоритъ она,—ритори же, реку, и философи, достойныя славы и великіе почести себѣ достизаютъ, яко же и древній Панамидъ и мудрый Промефусъ, съ ними же и Комодъ: сіи бо мя начертаніемъ во Еллинѣхъ составиша» и пр. Вотъ потому-то всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: «кто книжная писмена устраяетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланіа посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ: то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденіа уклоню (т. е. просклоняю), и на супружества сведу (т. е., проспрягаю), степени разсужду и роды разберу» и пр. 2. Вторая изъ семи мудростей—Діалектика, которая обращается къ юношеству съ такими словами: «Что чюдитеся и на мя зряще помышляете, и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете? Не ѣсмь такова, еже вы мните мнительствомъ, но есмь мудрая зрительствомъ, есмь бо велика и честна и естествомъ свободна, едина отъ седми мудростей Діале-

ктика по Еллинѣхъ, по сладчайшему же ми Словенскому языку Словесница нарицаюся, селеніе же имамъ и союзъ общаго рачительства со премудрою грамматикою и со красов..тою риторикою: одесную мене первая и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стихамъ красоту полагаемъ, реченіе же и ученіе приличнымъ подобіемъ и ямвійскою мѣрою украшаемъ» и пр. Вообще назначеніе Діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто не можетъ имѣть настоящей силы безъ участія Діалектики. Она во всемъ: «Мудрый отъ Еллинъ Омиръ, и Платонъ, и похвалный во вратѣхъ (ἐν στοαῖς?) Аристотель и прочіи вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мірѣ.» Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, Діалектика едвали не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собраніяхъ «на соборѣхъ людскихъ»; если на нихъ приметъ участіе Діалектика, всѣ ей внимаютъ, и жалѣютъ, если замолчитъ она; если кто имѣетъ тяжбу въ судѣ, то съ помощью Діалектики ни правый не обвинится, ни «виноватый не потягнется, ниже судяй погрѣшити въ чесомъ можетъ»; спорщикъ и суесловъ откажутся отъ своей привычки спорить и туне глаголати, потому что Діалектика научаетъ истинѣ. Вотъ почти такого содержанія всѣ фразы, влагаемыя въ уста второй изъ семи мудростей. Дѣти узнавали только, что есть какая-то Діалектика, и что учитъ она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учитъ, какъ пріобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. Риторика объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: «Есмь бо отъ седми честная и великая свободная мудрость, Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ. Тѣмъ пріимите мя съ любовнымъ вожделѣніемъ, азъ же дамся вамъ съ быстрымъ свѣтлорѣчіемъ: азъ бо есмь мудрость сладкогласнаго рѣченіа, азъ сладость дивнаго сказанія, азъ доброта неоскудѣваемаго богатства, азъ сокровище некрадомаго стяжательства, азъ велерѣчіе не отягчающее ушеса» и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ нельзя подозрѣвать и смысла, кромѣ разглагольствованій; но смыслъ есть, и очень понятный, хотя тонъ самаго объясненія и напоминаетъ что-то въ родѣ акаѳиста. Но въ этомъ опять таки виновато общее риторическое направленіе въ письменности того времени, направленіе, надъ кото-

рымъ не всегда возвышаются и самые великіе умы, тѣмъ болѣе, что для каждаго вѣка существуетъ своя высокопарность, своего рода реторика, которая рѣдко замѣчается самыми современниками, а черезъ десятки лѣтъ всплываетъ наверхъ и дѣлается замѣтною для послѣдующихъ поколѣній: такъ для насъ уже кажется анахронизмомъ многое въ Реторикѣ Кошанскаго, которую мы же, 5—10 лѣтъ назадъ, обязывались считать нормою и образцомъ ученія о стихѣ; у самыхъ же у насъ, стыдящихся всякой реторики, есть своя реторика, своя вычурность, изысканность и натяжка, отъ которыхъ откажутся наши потомки, какъ отъ чего-то ложнаго и даже смѣшнаго. Естественно же, что въ XVII-мъ вѣкѣ, Реторика говоритъ о себѣ такъ: «селеніе и удобное совокупленіе имамъ съ Діалектикою; похвалная же и златострунная Грамматика съ нами же и начало намъ.» Этимъ, разумѣется, хотѣли выразить связь и взаимную между собой зависимость этихъ мудростей; и выразились свысока: тѣмъ не менѣе были поняты учениками, привыкшими и къ тому языку и къ способу тогдашняго выраженія... Ученикамъ давали знать, что Риторика, по понятіямъ того вѣка, была необходима во всякомъ писаніи, и въ стихахъ, и въ посланіяхъ, и въ бесѣдахъ, и въ сочиненіяхъ, имѣющихъ разговорную форму, что ее изучали всѣ знаменитые люди и ученые. «Много, говоритъ Риторика, и Димостенъ, древній онъ честный философъ, славенъ ся учини, той бо мя неперва поиска, и обрѣте, и по немъ прочіи Ритори, которіи чюдны разумомъ въ человѣцѣхъ явишася и хитрорѣчію начальницы быша и Риторику мя нарекоша» и пр. Но это только объясненіе Реторики, собственно ея предисловіе; а какъ она преподавалась и въ какомъ объемѣ, да и преподавалась ли даже, изъ Азбуковника рѣшить невозможно. Конечно, въ нашемъ сборникѣ есть и реторическіе отдѣлы, есть довольно пространная метрика Славянскаго, или Русскаго, стихосложенія, есть образцовыя письма и посланія, для составленія по нимъ какихъ угодно сочиненій въ стихахъ и прозѣ; но какъ положительно нельзя рѣшить, преподавалось ли все это въ нашихъ школахъ для начальнаго обученія, то и не смѣю сказать, что преподавалось; основываться же на однихъ предположеніяхъ не слѣдуетъ, хотя и можно бы предположить, что безполезно было бы говорить о значеніи предмета, не имѣя въ виду объяснить послѣ и его сущность. Но оставимъ предположенія и воспользуемся пока тѣми немногими матеріалами относительно препо-

даванія въ нашихъ школахъ свѣдѣній о семи свободныхъ художествахъ, которыя мы находимъ въ Азбуковникахъ, и обратимся къ изъясненію слѣдующаго свободнаго художества.

4. Четвертое свободное художество — музыка. Надо замѣтить, что предисловія семи свободныхъ художествъ, упомянутыя у Востокова, всѣ находятся въ нашемъ Азбуковникѣ, съ тою значительною разницею, что предисловія, помѣщенныя въ Азбуковникѣ, имѣютъ свои собственныя вступленія и предувѣдомленія, которыхъ недостаетъ въ предисловіяхъ Востокова, извѣстныхъ по начальнымъ фразамъ. Предисловія Азбуковника, по этому, лучше и полнѣе другихъ. Такъ къ предисловію о Музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи Музыки, что, вѣроятно, считали необходимымъ пояснить юношеству. Это вступленіе начинается такъ: «Щедраго и Преблагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе своея истины, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикію, въ нихъ же беззаконный онъ Пама Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти и есть начальникъ богомерзкому сему гуденію и игранію; мусику же и азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроени (уѓ), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, не отъ Петра онаго начинаемую, но отъ Іоавана, бывшаго въ первыхъ родѣхъ, изобрѣтеную и составленую, яко же бытейскія книги повѣдуютъ, во дни же Іисуса, сына Навина, паки Евмифеусомъ, философомъ Еллинскимъ, обрѣтеную. Сія мудрость, или муза, или музикіа имя есть нарицательное, рода женска, числа единственнаго, образа единороднаго, еже есть простаго, паденіа именователнаго и звательнаго, и отрицательнаго. И по философіи деветь музы, си есть деветь угодій, или деветь сосудовъ или органовъ ко глаголанію, еже есть двѣ губы или устнѣ, четыре зубы начальные, послѣдняя, си есть конечная часть языка, горло дыхателное, гортани тщина и наючи, и сіи деветь угодіа глаголются музы, амоисъ, еже есть вода, зане безъ волготы онѣхъ, еже есть безъ мокротъ, не можетъ родитися гласъ, паки мусикіа глаголется нѣкогда пѣтіе, и нѣкогда мудрость, и отъ музы глаголется музика, си есть умѣтель тоя хитрости.» И вотъ, только послѣ этого предварительнаго вступленія, начинается предисловіе, которое есть и у Востокова: «Утверждайте очи, отверзите слухи,

ускоряйте духи, егда убо возшумлю, тогда вси умы возбужду» и т. д. Предисловіе это довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками, хоть бы, на примѣръ, о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ; но мы не рѣшаемся обременить своей статьи еще большими выписками, въ надеждѣ, что все это будетъ въ послѣдствіи извѣстно всѣмъ желающимъ, если Русская наука, обращающая теперь вниманіе на наши древности, приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

5. Ариѳметика имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе Ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница.» Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и болярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ Геометріей и Астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стопы и движенія; она необходима для Грамматики, Риторики и Діалектики. Изобрѣлъ ее отъ Еллинъ мудрый Пиѳагоръ. Цѣль ея—счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность Ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадныя вычисленія Кирика еще въ XII-мъ вѣкѣ. [1] Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась Ариѳметика въ XVII-мъ вѣкѣ, когда въ XII-мъ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету. [2]

6. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ Азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на Космографію, то на

1 Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс., 1847, N 6. Смѣсь, стр. 25—40.

2 Энцикл. Лекс. т. III, стр. 101; Карамз. т. X, стр. 259.

Математическую Географію, то на Географію Политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что Геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того вступленіе въ предисловіе къ Геометріи начинается такъ: «Юже видиши землю, отъ нея же и ты созданъ еси, по писанному, яко земля еси и въ землю паки пойдеши, амо же вси тлѣннія отходимъ, помысли, кто сію измѣри и предѣлы положи, точію одинъ Богъ, Той бо измѣривый пядію небо и дланію землю, намъ же созданію Своему—человѣкомъ тлѣннымъ, даде сея широту, и долготу, и толстоту доброумѣренною вервію любомудрыя Геометріи измѣряти и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати, ей же нынѣ предисловіе полагаю, на видѣніе доброты ея васъ призываю.» И послѣ этого предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе Геометріи, ея важность и предметъ, т. е., польза и цѣль ея знанія. Знаніе этой мудрости свойственно одному человѣку; хотя и, между животными есть владѣтельныя породы, какъ орелъ между птицами и левъ между звѣрями, но они безсловесны и не землемѣрительны; одинъ человѣкъ, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому онъ животное землемѣрительное и не отъ того, что можетъ все измѣрить ногами и руками, но по существу своему человѣкъ есть животное геометрическое, или землемѣрительное: голова и сердце его изображаютъ востокъ, нижняя часть тѣла западъ, правая рука—югъ, лѣвая—сѣверъ; середина земли есть середина тѣла человѣческаго: «высока бо есть и плоска, и на все случившееся пріятелна и отвсюду помыслами населяема, аки водами обливаема и наводняема.» Высказавъ нѣсколько мыслей относительно физическихъ явленій на землѣ, относительно явленія цвѣтовъ и относительно стихій, предисловіе входитъ въ область Математической и Политической Географіи: оно говоритъ, что Греческіе ученые, по обращенію солнца и луны, измѣрили кругъ земли, который равенъ 20,601 Итальянской милѣ; что изъ Едема исходитъ источникъ въ четыре страны и отсюда Греки раздѣлили землю на-четверо. Впрочемъ, гораздо лучше будетъ выписать остальную часть предисловія, какъ она есть въ Азбуковникѣ, и тогда всякій будетъ въ правѣ вывести заключеніе о познаніяхъ нашихъ предковъ въ Географіи, если только можно на свидѣтельствѣ одного дѣтскаго руководства, дѣлать заключеніе о невѣжествѣ нашемъ по этой части. Вотъ конецъ предисловія: «Ова отъ сихъ Африка, ова же Асіа, и ина Европа, каяжда бо отъ дѣйства своего вину званія пріятъ. Асіа бо первая часть

земли студености ради тако именуема, отъ Европы бо къ Сѣверному морю рѣкою Дономъ отдѣляется, а къ Среднему морю рѣкою Истьмою; къ ней прилегъ великій кругъ Акіана-моря. Въ той убо части Асіи великаго благочестія свѣтлосіятелное государство Россійскаго царства [1], пресвѣтлая и Богомъ снабдимая великая держава, ея же кто и Востокомъ обыкнувши нарицати не погрѣшитъ: солнце бо праведное Христосъ Богъ нашъ не точію на всякъ день еже чювственное, но присно всѣхъ вѣрныхъ сердца теплотою Духа Божія просвѣщаетъ всѣхъ; край же царства того въ Европстѣй части, еже къ западу и полунощію достизаше, идеже Студенымъ моремъ, отъ Странскихъ Королей предѣлъ, рекше рубежъ, полагается, и паки отъ другихъ странъ еже къ востокомъ и полудни, внизъ Катаинскія рѣки и Хвалижскимъ моремъ до Истьмы рѣки, въ той же части обону страну тоя же Катаинскія рѣки, рекше Волги [2], прилегли рубежи Татарскихъ царей, а къ тѣмъ Татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море, что Сеифанъ атаманъ обладалъ и Казылбашемъ назвался, оттого же и донынѣ государство Кизылбаскоеименовася; пятая доля Асіи, что осталося за четвертыми государствы и тою долею владѣетъ Шпанской Король, а по потопѣ та часть была Сима, сына Ноева, юже наричутъ Асіа. Африка же теплоты ради великія прозвася, предѣлъ же размѣру ея сказуется Среднимъ моремъ и Аглинскимъ, и Ефіопскимъ, и рѣкою Нилом; въ той части Африкѣ государство Палестинское, идѣже Авраамовы наслѣдницы быша, и Египетъ и Ефіопіа и Пустыня великая, которая пошла отъ рѣки Нубы къ восточнѣй странѣ, и оттуда ко Атланскому морю, еже противу запада и мало погнувшися къ сѣверу; а по потопѣ та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже нынѣ Африку наричутъ. Европа же третіа часть земли отъ дщери Агенаря царя именовася, юже Юпитеръ волхвъ, Зевесовъ сынъ, въ Критѣ на поли восхити. Сія Европіа мѣстомъ своимъ по размѣренію моему, рекше Геометріи, и по числу степенемъ потескотнѣйши Асіи, людми же и всякими плоды зѣло изобилна есть: и та Европа отдалася къ полунощи и западу; отъ полунощи же обошло Акіянъ-море, и отъ

[1] Россія, значитъ, считалась Азіатскимъ государствомъ?

[2] Мы не знаемъ, почему Волга называлась Катаинскою рѣкой. Развѣ потому, что въ иныхъ рукоп. она еще смѣшивается съ Танаисомъ: «Танаоусъ или Волга», см. Опис. рук. Р. М., стр. 782?

запада Среднимъ моремъ Африкія отдѣлися, а отъ Востока Понтескимъ моремъ и рѣкою Дономъ и Истмою, которая въ то же Понтеской море вошла. Въ сей Европіи великія государства, которые въ древнихъ лѣтехъ всею землею владѣли: Римское, реку, и Македонское и преславное Седмохолміе. еще есть великій градъ Констянътинъ, и прочая мѣста государствъ, ихъ же описуетъ Козмографія. А по потопѣ та Европа часть земли была Афета, сына Ноева.... Море глаголется всѣмъ водамъ общее имя. его же Латини фретумъ (fretum) нарицанотъ, Греки же портфмолъ; а идѣ разливается по мѣстомъ, тогда иная имена пріемлють, якоже убо и первая ўзина отъ источника Еллеспонтъ именуема; гдѣ же паки во другія узится, Тратибосфоръ именуется, а гдѣ во другіа мѣста въ ширину разливается, Понтъ Ексинонъ именуется. Егда же во озеру пріидетъ, Аймерикъ (?) Бофоръ (Босфоръ ?) именуется, само же то езеро Меотисъ зовется и двѣма великими рѣками Дономъ и Ниломъ во всѣ три части вселенныя раздѣляется; Донъ убо отъ полунощи къ молудни течетъ, всреди Меодета езера вливается; супротивъ же тому Нилъ отъ полудни къ полунощи въ море вливается. А что земли лежитъ отъ моря къ тѣмъ рѣкамъ, отъ единыя страны Африка именуется, а отъ другіа Европа къ Нилу, прочее же что ни есть Асіа именуется, а Америка во Асіи же и во Европѣ. Таковымъ размѣреніемъ моимъ геометрійнымъ по всему лицу земли вся мѣста и предѣлы Государствъ размѣряемы и раздѣляемы и се все мною могутъ разумѣти: чѣмъ которое Государство больше или меньше, такожe и градовомъ всѣмъ разстояніе, и сихъ основаніе, и домовное по межамъ огражденіе, и всякихъ нивъ и полъ. горы же и долы, и вся винограды и вертограды, и всѣ пути и дубравы, и все что ни есть даже до послѣдніа хлѣвины сограждeнія и премѣреніа, все моимъ геометрійскимъ досужствомъ и наукою совершается. Тако есмь въ шестомъ мѣстѣ учиняема мудрость свободная,» На этомъ предисловіи нельзя основывать предположенія, что въ древней Россіи ошибочно понимали значеніе Геометріи: такъ понимала ее тогда и вся Европа. Геометрія отъ начала прежде то, что въ настоящее время называется Геодезіею, или просто Землемѣрствомъ; до извѣстнаго времени и Землемѣрство и отвлеченная Геометрія смѣшивались въ понятіяхъ ученыхъ, потому что послѣдняя, казалось, не имѣла другой цѣли, кромѣ измѣренія земли; когда же открыты были многія неизмѣнныя правила или истины, на которыхъ утверждается всякое измѣреніе,

то Геометрія стала достояніемъ отвлеченнаго разума, какъ и Чистая Математика, а то, что прежде считали Геометріей, перешло въ вѣдѣніе отдѣльной науки — Геодезіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ у насъ на Геометрію смотрѣли еще съ старой точки зрѣнія и потому смѣшивали ее съ Геодезіей и съ Географіей, свѣдѣнія географическія вертѣлись все еще около Меркатора, переводы котораго были въ большемъ ходу въ до-Петровской Руси: тутъ мѣшались и Географія и Космографія, орбисъ террарумъ и чертежъ свѣта [1]. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ Азбуковника.

7. «Послѣдняя мѣстомъ, первая же дѣйствомъ» свободная мудрость есть Астрономія «по Еллинѣхъ, Звѣздозаконіе же по Словянехъ.» Предисловіе ея интересно въ такой же степени, какъ и предисловія прочихъ мудростей, т. е., въ немъ поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль Астрономіи и опредѣлена ея важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги, для школьнаго учебника XVII-го вѣка, и этого довольно: Азбуковникъ не преподаетъ дѣтямъ Астрономіи, а только говоритъ о ней и возбуждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ Азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то «въ книзѣ своей шестьвіемъ и дѣйствомъ являюся всяко.» Что это за книга, рѣшить трудно; можетъ быть, здѣсь намекаютъ о какой ни будь Астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія.» Можетъ быть, и тѣмъ больше достовѣрно это предположеніе, что сей часъ же, за этимъ упоминаніемъ о какой-то своей книгѣ, Астрономія какъ будто заимствуетъ содержаніе изъ этой книги, говоря о знакахъ зодіака: «Овенъ мой хребтомъ на полнощь, главою же на востокъ; къ солнцу восходитъ и Левъ, да восходитъ и заходитъ обращаяся; Стрѣлецъ же восходитъ право и заходитъ стремглавъ, яко низверженный,» и прочая... Содержаніе этой науки, разумѣется, солнце, луна, планеты и звѣзды (какъ видно, понималось различіе между звѣздами и планетами); за тѣмъ, предметы ея — счисленіе времени

---

[1] См. Описаніе рукоп. Графа Толстова, Отд. II, 287; Отд. I, 67, 117, 191, 210; Отд. II, 368; Отд. III, 68. — Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 542, 567, 724, 658, 762 и пр.

по солнечному и лунному обращенію. Періодъ обращенія луны въ Азбуковникѣ опредѣленъ въ 29 дней и въ полъ дня и въ пять часовъ, и еще съ получасомъ и съ пятой частью часа (т. е., 29 дн. 17 час. и 42 $^6/_7$ мин.?). Въ предисловіи, кромѣ того, есть ссылка на извѣстнаго древняго Астронома Атланта («премудрый Атланъ, иже въ небо біетъ»). [1]

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободныхъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый Азбуковникъ.

Какъ видимъ, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что Азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собираемыя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ Азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались во всякое свободное отъ ученія время (во время, на пр. «хлѣбоядѣнія и отъ ученія престатія»), читались и учителемъ, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, Славянской Грамматикѣ, Риторикѣ и стихотворному искуству; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало целя́бы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для виршеслагательства; знакомилось съ нововведеннымъ тогда риѳмомъ, находя его у досконалаго казнодѣя Симеона Полоцкаго; [2] узнавало «степени стихотворныя мѣры» и «единъ на десять родовъ стиха» и иройскій, и ямвійскій, и сафіійскій, и гликонскій и пр.; [3] наконецъ, какъ надо полагать, училось сочинять,

---

[1] Атлантъ, въ честь своихъ астрономическихъ открытій, изображался упирающимся въ небо, или поддерживающимъ небо на своихъ плечахъ.

[2] Изъ Азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители; Азбуковникъ этотъ тоже находится въ нашемъ сборникѣ.

[3] Изъ другой статьи сборника, которую я разберу послѣ.

сначала сентенціи и двустишія, потомъ «привѣтства,» преимущественно же посланія въ стихахъ (по краеграпесію) и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями нашего сборника и находящимися въ немъ Азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ Славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ Словесностью въ обширномъ смыслѣ, т. е., собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе Грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ Грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: извѣстно, что чѣмъ больше развивается какая либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти самостоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искуствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достояніемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже невѣроятнымъ. Наши отцы, подъ словомъ «Грамматика» разумѣли очень многое и требовали отъ Грамматики всего, чему учитъ теперь вся теорія Словесныхъ наукъ; и потому съ изученіемъ Грамматики соединяли они и Риторику, и Стилистику, и даже Піитику. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, на Грамматику обращали преимущественное вниманіе,—и это очень естественно, отъ того въ нашемъ сборникѣ, между разными Азбуковниками и руководствами, попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ мы большія выписки изъ Грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія. Хотя имя автора и не названо здѣсь, но по содержанію можно удостовѣриться, что это отрывки изъ Смотрицкаго. Такъ, между прочимъ, въ отдѣлѣ стихосложенія находится его знаменитый гекзаметръ:

Сарматски новорастныя Мусы стопу перву,
Тщащуюся Парнасъ въ обитель вѣчну заяти, и пр.

На основаніи этихъ выписокъ, можно полагать, что руководство Грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ школамъ. Я говорю о школахъ Великороссійскихъ. Что же касается до училищъ

Югозападной Россіи, то къ нимъ нельзя примѣнять того, что говорится о Великорусскихъ школахъ; въ Югозападной Россіи образованіе шло инымъ путемъ, и училища ея стояли на высшей степени развитія: тамъ, конечно, Грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ ея и родина. Но я говорю относительно того, что она не была чужда и для школъ Великой Россіи, особенно если примемъ во вниманіе то, что собраніе Азбуковниковъ, которыми я теперь пользуюсь, сдѣлано въ Соловецкой обители, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи.

Кромѣ Смотрицкаго, въ Азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ Грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей. Такъ, на примѣръ, здѣсь есть еще цѣлый Азбуковникъ однозвучныхъ словъ и синонимовъ, которые всѣ истолкованы помощью грамматическихъ правилъ и объяенены примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: рака имѣетъ три значенія, и какъ Сирское рака значитъ ты, плюю на тя, а ракъ—животное, какъ говорится, поймалъ рака, и рака въ значеніи гроба; шила тоже: «шила жена портище,» или «шила сапожнаго дѣла»; «шилъ сапоги» и «шилъ подшивалныхъ или начальныхъ кузнецъ». Есть здѣсь Азбуковникъ неудоборазумѣваемымъ рѣчемъ, которые въ другихъ рукописяхъ носятъ названіе «Алфавитовъ» и замѣняютъ наши Словари. Этотъ Азбуковникъ довольно пространный и вмѣщаетъ въ себѣ слова не только стараго Славянскаго языка, но Греческаго, Латинскаго, слова Южнорусскія и Польскія (по Памвѣ Берындѣ, какъ кажется), Чешскія, Сербскія, Болгарскія и другія. Въ особенности для учащихся эти Словари были необходимыми руководствами. Есть, наконецъ, правила и толкованія силлабическаго стихосложенія, сочиненныя, какъ видно, нашимъ составителемъ и списателемъ сборника.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что объемъ преподаванія въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По Азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлію первоначальное обученіе юношества, довольно очень и того, что̀ преподавалось, т. е., что отыскали мы въ Азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлаютъ честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ. Такимъ образомъ XVII-й вѣкъ еще

нѣсколько выигрываетъ въ нашихъ глазахъ и пріобрѣтаетъ новыя права на вниманіе.

Достойно замѣчанія, что въ Азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ и разныя привѣтственныя двустишія, которыя можно было и говорить наизусть, и писать кому либо. Съ какой цѣлью прилагалось это къ Азбуковникамъ? И надо прибавить, что самыя «привѣтства» и посланія носятъ тоже названіе Азбуковниковъ. Еще бы оно было понятно въ какомъ нибудь сборникѣ разнообразнаго содержанія, и притомъ въ особенномъ отдѣлѣ, а то, напротивъ, эти посланія составляютъ какъ бы часть школьныхъ учебниковъ, необходимую принадлежность этихъ руководствъ; и сверхъ всего, этихъ образцовыхъ сочиненій въ нашемъ сборникѣ нѣсколько: письма занимаютъ больше ста листовъ и «привѣтства» столько же. Не были ли эти сочиненія образцами для учащихся? Не училось ли по нимъ само юношество сочинять подобныя посланія и «привѣтства»? Положимъ, «привѣтства» учились воспитанниками наизусть, тогда остается неразгаданною цѣль, съ которой помѣщались въ Азбуковникахъ образцовыя письма. Развѣ съ такой, съ какой издаются въ настоящее время «Письмовники» и «Опытные Секретари»? Можетъ быть. Тогда дѣйствительно воспитанники могли учиться по нимъ сами сочинять. Намъ кажется, что это предположеніе не лишено вѣроятія.

Образцовыя «привѣтства» разсѣяны по разнымъ отдѣламъ нашего сборника. Многія изъ нихъ чрезвычайно наивны и характеризуютъ эпоху, въ которую мы еще нуждались въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; большая часть «привѣтствъ» есть не что иное, какъ комплименты и bons-mots тогдашняго Русскаго общества. Такъ, на примѣръ, если я хочу сказать комплиментъ имени моего знакомаго, или благодѣтеля, то Азбуковникъ совѣтуетъ писать риѳмы: «Прохору: во отвѣтехъ тихому говору;» или: «любящему житіемъ пустынную гору;» «Данилу: не любящему весма рѣчь гнилу;» «Давиду: на неправыхъ жестокому виду;» «Марку: готовящемуся къ небесному браку,» или: «разрушающему злобную драку», и проч. Знакомыхъ же свѣтскаго званія учили привѣтствовать риѳмой «на отеческое имя»; на примѣръ: Сидору Павловичу: «небеснаго и нерукотвореннаго Іерусалима написанному гражданичю»! Конечно, это очень забавно, но въ свое время считалось остроумнымъ и деликатнымъ, а главное необходимымъ для всякаго свѣтскаго и образо-

ваннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и для всякого обучающагося книжной мудрости. Въ нашихъ Азбуковникахъ есть «привѣтства» на всѣ возможные случаи въ жизни. Для примѣра приведу изъ одного Азбуковника образцовыя фразы, которыя говорятся въ гостямъ:

Хлѣбомъ и сему подобными Бога ради кормитеся,
Отъ прилучившихся говядъ и баранъ, или водоплавныхъ посилитеся,
Цѣжденнымъ двоякимъ или трояквмъ питіемъ прохладитеся,
Ради утренняго похмѣлья не скорбите,
Скоро порану до адѣ приходите,
Тѣми же избытки заутро мы уготовимся,
Утро съ приходящими во славу Божію опохмелимся.
Хотяй кто пресѣкати чюжія рѣчи,
Отсылаемъ таковаго къ теплой печи,
Цѣлбы мѣсто грѣть плечи.
Чтобъ не пресѣкалъ чюжія рѣчи;
Рядовое же питіе всѣмъ въ подносѣ,
Стоящій тамо не будетъ въ обносѣ;
Тамо ему егда прискучитъ,
Узнавъ себе, не будетъ инѣмъ докучить.

Въ подобныхъ произведеніяхъ всего живѣе рисуется характеръ времени, удаленнаго отъ насъ двумя, или болѣе, столѣтіями. Всѣ эти фразы сами по себѣ очень забавны. Изъ образцовыхъ привѣтствій мы видимъ, что когда наши предки собирались къ кому на пиръ и послѣ пира приходили опохмеляться, то соблюдали должную благопристойность: перебивающаго чужія слова, въ наказаніе, лишали мѣста и ставили къ печи, чтобъ онъ, говоря иронически, грѣлъ тамъ плечи; впрочемъ, угощеніемъ его не обносили, а потчивали наравнѣ съ другими гостями. Притомъ надо сказать, что всѣ «привѣтства» Азбуковниковъ имѣютъ свой интересъ, и иныя изъ нихъ не глупы, иныя же очень поучительны. Надо думать, что на подобныхъ фразахъ юношество въ первый разъ упражнялось въ сочиненіяхъ, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Особенно замѣчателенъ одинъ Азбуковникъ этого содержанія. Онъ написанъ по слѣдующему случаю: Псково-Печерскія обители Келарь, Іеродіаконъ Ѳеодосій, повелѣлъ какому-то Іеромонаху, называющему себя «убогимъ первостранникомъ,» приписать къ однострочному Азбуковнику свой собственный, т. е., къ Азбуковнику, состоящему изъ одностишій и писанному на оборотахъ листовъ, присо-

чинить на другихъ половинахъ листовъ риѳмованныя двустишія; чтобъ они имѣли съ первыми одностишіями и общую мысль и риѳму. Кто писалъ начальный, однострочный, Азбуковникъ, неизвѣстно: кажется, что писалъ его самъ Келарь Ѳеодосій, находясь, вѣроятно, прежде келарства своего, въ Соловецкой обители, потому что въ Азбуковникѣ однострочномъ такъ и сказано, что изданъ въ Соловецкой обители въ 1660 году. [1] Къ этому-то своему Азбуковнику

[1] Сборникъ нашъ, какъ сказано, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщено нѣсколько Азбуковниковъ съ особеннымъ счетомъ тетрадокъ; вторая половина сборника состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: въ первомъ заключается 26 тетрадокъ, или 208 листовъ, во второмъ 171 листъ. Эти оба отдѣла второй половины писаны однимъ лицомъ, именно «убогимъ первостранникомъ;» да и все остальное, кажется, его же трудъ; при первомъ отдѣлѣ второй половины авторъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ объясняетъ цѣль своего труда и тутъ-то говоритъ, что Келарь Ѳеодосій велѣлъ ему приписать къ однострочному Азбуковнику риѳмованныя двустишія. Предисловіе довольно интересное и очень пространное. Въ концѣ онъ обращается «до повелителя,» т. е., до Келаря, и оканчиваетъ свое предисловіе словами: «повелителево же и имя, и чинъ, и граду, и обители, и имъ же (т. е., «убогимъ первостранникомъ») ко единострочному Азбуковнику вторая строка приложися, въ четвероконечнѣй надписи имена явленни, яко же самая и истинная очевидность на обороте сего листа объявитъ.» И дѣйствительно, на оборотѣ листа четвероконечной тайнописью написано: «Пъсковопечерскія обители Келаря Іеродіакона Ѳеодосія повелѣніемъ вновонаписася убогимъ первостранникомъ.» За тѣмъ, послѣ оглавленія статей этого отдѣла, киноварью написанъ заглавный листъ: «Азбуковникъ, имѣяй въ себѣ слоги единострочніи до великославныхъ предъ скиптродержавнымъ Царемъ близостоятелей и коимъ же иночинныхъ въ пишемыхъ грамоткахъ писати годствуетъ. Въ Соловецкой честнѣй обители, что въ Окіанскомъ отоцѣ, въ лѣтѣ отъ Созданіа міра 7168-мъ (т. е., въ 1660 г.) слова Божія любительми изданный.» И на этомъ же листѣ, этой же руки другое заглавіе: «Азбуковникъ пристойный оному до оныхъ же великославныхъ чиновъ и коимъ же годствуетъ виршными слоги писати. Въ лѣто отъ Созданія міра 7192-е (т. е., 1684 г.), грубымъ нѣкоимъ Іеромонахомъ ново (ко оному) приписася.» Потомъ одной рукой, и одними чернилами, исписанъ весь этотъ отдѣлъ, состоящій изъ Азбуковниковъ, Письмовниковъ, «Школьныхъ благочиній» и пр., — до 208-го листа. Отсюда, этой же рукой, но другими чернилами и мельче, начинается другая половина Сборника съ своимъ предисловіемъ и оканчивается опять хитрой четвероконечной тайнописью на 171-мъ листѣ: »Начато въ Соловецкой пустынѣ. Тожде совершено на Костромѣ, что въ Морчюкахъ подъ Москвою во Ипатской честнѣй обители тѣмъ же первостранникомъ въ лѣто міробытіа 7191-е (т. е., 1683).» Все это, какъ видно, подлинное писаніе «первостранника.»

онъ и велѣлъ «убогому первостраннику» присочинить приличныя двустишія, что тотъ и сдѣлалъ добросовѣстно, написавъ до шести сотъ одностишій. Впрочемъ, какъ видно, съ нѣкоторыми онъ не могъ совладѣть, не имѣя возможности подобрать риѳмы, и оставилъ пустыя мѣста для этого: кто можетъ — пусть пишетъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно позднѣйшими читателями, сдѣланы прибавки. Двустишія, какъ я сказалъ, риѳмованныя и, какъ эпиграфы, пригодны во всѣхъ случаяхъ жизни; риѳмы очень оригинальны, какъ, на примѣръ, пастырь риѳмуетъ постоянно съ словомъ пластырь и пр. Но такъ какъ содержаніе двустишій очень разнообразно, то къ этому Азбуковнику приложенъ родъ таблицы, по которой можно отыскать, въ какомъ случаѣ, при какихъ обстоятельствахъ, можно говорить то, или другое, двустишіе, и что по образцу ихъ можно самому писать подобныя вещи и пріучаться къ сочиненію всего, что можетъ сочинить и написать человѣкъ ученый и «въ писаніи искусный.»

Такимъ образомъ, Азбуковники эти служили руководствомъ для желающихъ сочинять.

Тутъ же приложено и наставленіе, какъ писать эти двустишія, т. е., какимъ метромъ и размѣромъ. Размѣръ былъ принятъ силлабическій.

Я уже говорилъ прежде, что въ нашемъ сборникѣ находятся и образцовые Письмовники. Самый большой изъ нихъ помѣщенъ вслѣдъ за этимъ двустрочнымъ Азбуковникомъ и имѣетъ слѣдующее названіе: «Посланіа или написаніа отъ разностранныхъ за вины своя отсланцовъ, которіи по долговременномъ тамо терпѣніи, о избавленіи своемъ ко знаемымъ и могущимъ десницу помощи имъ подати, писали», и за тѣмъ прибавлено, что можно эти письма «и о иныхъ нуждахъ писати.» Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ очень замѣчательны и напоминаютъ собой умное «Посланіе Даніила Заточника,» который былъ точно въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и сочинители этихъ писемъ. Писаны они различно: и стихами, и прозой. Выпишу два изъ нихъ: одно, писанное къ частному лицу, другое къ Государю. Первое исполнено неподдѣльныхъ красотъ и очень умно, хотя и скучновато по началу.

1.

Именованіе твое, Государь мой, нынѣ премину,
Да не поставиши намъ нищимъ сего въ вину,

Зане не у время нынѣ впростѣ сего изъявити,
Но токмо подобаетъ намъ у тебе милости просити:
Молимъ, Государь, твое честное преподобіе, или достояніе,
Тезоименито бо есть во твое званіе:
Многогрѣшный нѣкто въ монахехъ ниско метаніе творитъ,
Тебѣ, Государю, припадая и Бога моля, много челомъ бьетъ.
Обнадежася, Государь, на твою великую милость,
Сего ради дерзнулъ явити свою бѣдность,
Къ твоей честности сіе написати,
Чтобы тебѣ, Государь мой, на насъ нищихъ милость свою изліяти,
Въ нынѣшней нашей въ настоящей скорби и печали.
И самъ, Государь мой, зрипи, что тяжки времена настали,
Къ тому же по грѣхомъ моимъ постигла конечная бѣдность (или — немощь),
Не имѣю, кто бы показалъ ко мнѣ сердечную (или — отческую) свою милость,
Напиталъ бы насъ умягченною своею браздою,
И напоилъ бы, аки въ знойный день, студеною водою,
И подалъ бы намъ нынѣ поне малу отъ скорбей нашихъ отраду,
Негли бы и самъ сподобленъ былъ отъ Бога небесному винограду;
Ничто же бо ино тако пріятно Спасу нашему и Богу,
Иже кто творитъ къ нему добродѣтель свою премногу,
Паче же въ скорби и печали бѣднаго не презираетъ,
И елико мощно по силѣ своей, тако ему и помогаетъ.
И что намъ о томъ нынѣ многая словеса продолжати
И твоя, Государь, честная слуха отягчати?
Время нынѣ, Государь, о настоящей нашей скорби къ тебѣ рещи
И доброразсудіе твое на милость къ себѣ привлещи,
Негли милостивый твой фіалъ на насъ изліется
И яко благодатною водою душа наша напіется.
Мнози, Государь мой, твоимъ благодѣяніемъ хвалятся,
Понеже въ добрыхъ путехъ отъ тебе ставятся,
И того ради похваляютъ твой благодатный нравъ,
Аки нѣкій цвѣтъ отъ различныхъ травъ.
И много ми писати, Государь, къ тебѣ нынѣ не у время;
Богъ человѣколюбецъ да исправитъ твое душевное бремя,
Воистину, Государь, всю тебѣ истину изрцемъ,
Яко въ многобурной суетѣ всегда течемъ,
И яко же нѣкій корабль носимъ многими волнами,
Тако и мы многими своими скорбьми и бѣдами,
Потому и довол (?) намъ побити челомъ вамъ не доходитъ,
Что все убогое житіе наше въ суетѣ исходитъ.
Нынѣ же мы нищіе молимъ, Государь, твое человѣколюбіе (или преподобіе),

И во всемъ приступное душевное благородіе:
Простри намъ, нищимъ, руку своего поможенія,
И отеческаго твоего великаго милосердія;
Призри на насъ нынѣ своею великою милостію
И благонравною и разсудною тихостію.
Вся тебѣ, Государь мой, возможно сія сотворити,
И бѣдности моей съ Богомъ пособити;
И аще мы недостойніи и не имамы что тебѣ воздати,
И ты, Государь, отъ Бога многу мзду за то имаши воспріяти;
Богъ бо любитъ таковыхъ благодатныхъ нравы,
Которыя ищутъ небесныя и вѣчныя славы.
И бѣднымъ и безпомощнымъ помогаютъ,
И никогда же ихъ въ скорбѣхъ и печалѣхъ презираютъ;
И что имамъ вящше того къ тебѣ, Государь, писати
И многими словесы воздухъ наполняти;
Аще сердечная твоя нива добродѣяніемъ умягчится,
Тогда и малыми словесы благодать твоя намъ явится,
И аще и аеръ наполнити многихъ словесъ,
А къ немилостивому сердцу не достанетъ въ превѣсъ.
Милостивіи и малыми словесы услаждаются
И къ нищимъ и къ бѣднымъ простираются;
И паки милостивіи помиловани будутъ,
А немилостивіи въ тѣхъ обителехъ не будутъ.
Того ради на землю предъ тобою себя пометаю
И моленіе къ тебѣ, Государь мой, отъ сердца простираю:
Буди, Государь, помощникъ и заступникъ въ таковой мнѣ тузѣ,
Не обрѣтаю бо иного никого такова помощника себѣ;
Тѣмъ и припадаю ко общей матери нашей земли,
Вѣмъ бо тя паки, яко многимъ ты людямъ помогаешь вельми.
Сего ради и азъ нищій, не престая слезами землю моча,
Скорбь, Государь, сердечная и скудость потребы тѣлесныя уязвляетъ мя не менѣе меча;
Уныніемъ и печалію и иною болѣзнію до зѣла нищій изнемогаю,
А помощника крѣпкаго себѣ, кромѣ Бога, никого не обрѣтаю,
Яко рабъ непотребный отъ всѣхъ попираемъ,
И яко извергъ бездушный поверзаемъ,
И яко трость унывнымъ вѣтромъ колеблема,
Или яко лоза, стоящая при пути, объемлема,
И совершеннѣ рещи, отъ человѣкъ ни отъ кого небрегомъ,
Токмо смѣхъ и поношеніе бываю своимъ врагомъ,
Во дни, аки въ нощи, во уныніи и въ печали пребываю
И разумѣньишка своего до конца отбываю,
Всегда хожу въ велицемъ своемъ забвеніи,

Яко нѣкоемъ зѣло темномъ помраченіи;
Того ради нынѣ хáплюся твоихъ честныхъ стопъ,
Услыши, Государь, сердечный и болѣзненный мой вопль,
Аще и не въ слухъ тебѣ, Государю моему, вопію,
Но отъ болѣзни сердца и горести души, аки пелынь со оцтомъ пію.
Тридесять лѣтъ, Государь, уже и больши въ монастырѣ пожихъ
И вкладишко по силѣ и трудишка свои положихъ.
И нынѣ, яко птица худая, по чужой странѣ превитаю
И нигдѣ своей бѣдности покоя не обрѣтаю,
Понеже любовнаго душа всегда въ душѣ любимаго,
А вѣрнаго друга подобаетъ всегда имѣти, аки столпа непоколебимаго.
Писано есть: другу вѣрну измѣны нѣсть,
А сердца наша и мысли Богъ единъ вѣсть;
Другъ вѣренъ — кровъ крѣпокъ,
А не вѣренъ — аки оплотъ лѣпокъ;
Другъ лестенъ, аки ножъ помазанъ медомъ,
Приводитъ бо всегда къ душевнымъ вредомъ.
Такова друга подобаетъ отъ себе отсѣкати
И никоего отъ него совѣта не пріимати;
О добрыхъ же друзѣхъ лѣпо пишется,
Яко же нѣкое оружіе бисеромъ нижется;
Другъ вѣренъ подобенъ противу злата и сребра мѣрити,
А льстивымъ и лукавымъ другомъ не подобаетъ вѣрити;
Яко же земныя плоды отъ лѣта до лѣта рождаются,
А добріи друзи по вся дни пригождаются;
Истинніи друзи познаваются во время напасти,
Льстивіи же и лютіи во своей суетнѣй власти;
И мы были нищіи прежде сего времени не въ лишке,
Тѣже были Соловецкія, а стали яко Кузовецкія, [1] покоя себѣ добилися.
Аще убо молю, Государь, твое во всемъ благоразуміе,
Да не позазриши на наше неискусное грубоуміе;
Обнадежася, Государь, на твою милость, тако плетемъ:
Вѣмъ бо тя разумна суща и изящна во всемъ.
Буди, Государь, намъ помощникъ и присвой насъ къ себѣ,
Иного бо заступника такова не обрѣтаемъ себѣ;
Яко же твое благоутробіе преже сего къ намъ бывало,
А нынѣ не вѣмъ, почему милосердіе твое отъ насъ поотстало.
Судитъ Богъ нѣкоторому человѣку лиходѣю,
Чтобъ ему то смыслити своему добродѣю,
Чѣмъ тебѣ, Государь, неправедно мене огласилъ
И добродѣяніе твое прежнее отъ мене отщетилъ;

---

[1] Не совсѣмъ понятныя выраженія.

Богъ ему по дѣломъ его судіа и Пречистая Богомати,
А ума его суетнаго и устенъ неправедныхъ не уняти;
Что хощетъ по ненависти своей, то и глаголетъ,
Понеже въ сердце его всегда зависть колетъ.
И ты, Государь мой, не ими вѣры лживу слову,
По великому Апостолу святому Іоанну Богослову:
Не всякому духу вѣрити онъ повелѣваетъ,
Но паче духи искушати съ разсмотреніемъ подобаетъ,
Лжа убо истинѣ всегда сопротивляется
И имѣяй ю, едва въ рай вселяется.
Богъ таковому судіа и по дѣломъ его воздатель;
Злый доброму никогда же не бываетъ пріятель,
Всегда поощряетъ злая творити,
Чѣмъ бы ему брата своего погубити;
Обаче не брату своему зло сотворяетъ,
Но свою душу злодѣйствомъ во адъ посылаетъ.
Писано есть: злаго зло и постигнетъ,
А избранныхъ и добродѣтелныхъ мужей въ мѣсто не постигнетъ.
И вящши того ипо что недоумѣюся тебѣ, Государю, рещи,
И како бы милосердіе твое къ себѣ привлещи.
Писано есть: отъ самыхъ Христовыхъ божественныхъ устъ,
Томужде послѣдуя и великій Іоаннъ Златоустъ,
И иніи мнози божественніи и святіи наши отцы,
На нихъ же нынѣ сіяютъ нетлѣнніи и свѣтліи вѣнцы,
Ищите, рекоша, прежде всего царства небеснаго,
А не любите свѣта сего и міра прелеснаго,
И сія вся вамъ приложатся
И во ономъ вѣцѣ мзды воздадятся.
И да не положиши, Государь, въ забвеніе нашего къ тебѣ моленія
И самъ да сподобишися отъ Бога вѣчнаго веселія,
Да воздастъ ти Господь за то вся благая многими краты
И непреборимъ будеши никоторыми своими супостаты.
И сему писанейцу мы нищіи сотворимъ конецъ,
А всѣмъ намъ всещедрый Богъ Создатель и Творецъ,
Ему же нынѣ отъ Ангелъ и человѣкъ непремѣнная слава,
А намъ буди отъ всѣхъ злыхъ конечная избава.
Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

2.

Великихъ превысочайшихъ Государей превосходящему Властодержцу,
Елика въ Европѣ и Азіи и многихъ государствъ Самодержцу,
Любителю и хранителю изрядну заповѣдей богословныхъ
И добоопасному Правителю законъ православныхъ,

Которое таковому нынѣ принесу многое благодареніе,
Иже древнихъ во благочестіи Сіятельныхъ Царей превосходитъ милосердіе,
Имъ же Россійскій Скипетръ преславно украшается,
Государямъ пограничнымъ выну страшенъ именуется;
О немъ же велелѣпная хвала въ концы вселенныя истекаетъ,
Славна, и богомудра, и милостива всяка страна того нарицаетъ,
Предивна и храбра, и всякими благостынями цвѣтуща,
Основаніе незыблемо въ вѣрѣ Христовѣ по премногу имуща;
Добротою бо цѣломудрія чистоты выну украшается,
Аще и Царскою багряницею преславно облачается;
Россійскаго царствія народомъ богоданный пастырь,
Благочестія державнымъ цѣломудріа пластырь;
Любовію жъ къ Богу всякими добродѣтельми наипаче превосходитъ,
Аще и земнаго царствія скиптроправленія повсюду проходитъ,
Готова себѣ тѣмъ Бога въ помощехъ выну обрѣтаетъ,
О немъ же вездѣ упованіе наше со усердіемъ полагаетъ.
Честно убо во звѣздахъ пресвѣтлое солнце,
Его же ко всѣмъ милосердіемъ наполнено сердце.
Свѣтло же и преславно на тверди озареніе лунное,
Того же милосердіе сіяетъ ко всѣмъ намъ непремѣнное,
Имъ же власти и саны благороднымъ даруются,
Вышней же чести достойніи отъ него сподобляются;
И всѣхъ, подъ властію сущихъ, всякія благости наслаждая,
Царское же свое благосердіе въ нихъ умножая,
Аще и многія ему отъ враговъ приключаются кручины,
Рѣки проливаетъ молитвъ къ Богу отъ сердечныя пучины.
Проситъ царствій своей державѣ быти немятежнѣй,
Отъ вражіихъ прилогъ сохранитися невреждённѣй.
Щадитъ же многіа враги своя вездѣ и повинны,
Аще нѣцыи являются и смерти достойны,
Даруя имъ свою Царскую благосердую милость,
И свою огненную уставляетъ отъ нихъ ярость.
Хощетъ бо враги на любовь мирну обратити,
О ней же и впредь вѣрнымъ въ соединеніи жити.
Льсти и лукавства отнюдъ въ нихъ не именоватися,
Обще же единовластію его всѣмъ повиноватися.
Прошу и азъ твоего Царскаго милосердія пріяти,
А свое рабское страданіе тебѣ, Государю, явити;
Свѣтлость твоего милосердія выну на мнѣ сіяетъ,
Всяческихъ презѣлною милостію всегда озаряетъ;
О всѣхъ же на тебе, Государя, единаго упованіе возлагаю,
Еже твое Царское къ себѣ обѣщаніе поминаю.

Государское Ваше слово непремѣнно бываетъ,
О немъ же кто на Бога надежду свою возлагаетъ...
Мнѣ холопу и писать къ тебѣ, Государю, невмѣстно,
И самому тебѣ, Государю, много о мнѣ извѣстно:
Хощетъ ми ся тебѣ, Государю, усердно послужити,
А отъ Царскаго ти Величества милость получити.
Лѣпо намъ работати тебѣ Государю, аки Богу,
Коя намъ работа приноситъ радость многу;
Аще и главы своя за тебе, Государю, полагаемъ,
Твое Царьское крестное цѣлованіе исполняемъ;
Аще котораго изъ насъ вина предъ тобою Государемъ явится,
Твоимъ Царскимъ праведнымъ судомъ таковый казни́тся,
И да не начнутъ таковіи впредь злая дерзати,
Щедроты твоя Царскія на гнѣвъ подвизати.
Еже нѣкимъ слышимъ зломудреныя совѣты ухищряютъ,
Вину законопреступну неповиннымъ полагаютъ;
А многое въ мірѣ отъ таковыхъ выну содѣвается,
Въ нихъ же правда и слово истинное не обрѣтается.
Аще кто со усердіемъ выну на Бога уповаетъ,
Ложна совѣта и льстива того Богъ объявляетъ.
Истина же предъ лицемъ лжи не стыдится,
Глаголати и дѣйствовати отнюдъ не срамится.
О прочихъ же нынѣ писати къ тебѣ, Государю, не смѣю,
Свою рабскую работишку тебѣ, Государю, объявити дерзновенія не имѣю.
Прошу еже на ны суетна слуха и льсти не пріимати,
О нихъ же Царьскому ти богомудрому сердцу въ печали не пребывати.
Да во всѣхъ устнѣхъ слава будетъ непрестанна,
Аще твоя Царская ушеса къ таковымъ будетъ неуклонна;
Рука твоя Царская тогда на враги укрѣпится,
Бывшая злая отъ среды всяко егда изженутся;
Тебѣ, Государю, истиннѣ и правдѣ подобаетъ внимати,
И лжу суемудреныхъ наношеній всяко отревати;
Правда правыхъ всегда отъ смерти избавляетъ,
Разуму истинну хотящихъ пріяти сподобляетъ,
Имъ не кто (Божественный Апостолъ глаголетъ) поработится,
Сему и рабъ быти всяко не усрамится.
Ваше Царское еже о подручныхъ попеченіе имѣти,
О всѣхъ же подобаетъ доброопасно смотрѣти.
Ими же кто пріобрѣтаетъ честныя себѣ славы,
Хулныя и тщетныя глаголы произноситъ на ны.
Царьскому ти остроумію словамъ онымъ
Не подобаетъ внимати рѣчемъ хулнымъ.
Когда кто глаголати на насъ не посрамится,

Сей и многа зла дѣйствовати не стыдится.
Конечную скорбь содѣваетъ радости Вашей
И непремѣнное сѣтованіе худости нашей.
Христоподобное же твое Царское молю милосердіе,
Свое отъ души предлагаю молебное усердіе:
Величества Царскія свѣтлости видѣти хощу,
Еже милость твою совершенну самъ улучу,
Да убо, Государь, въ насъ всяка истинна и лжа явится,
Лыста ногъ моихъ предстати тебѣ укрѣпится;
Хитрости же въ насъ ни которые никто не обрящетъ,
О нихъ же кто на ны и многая клевещетъ.
Что же, Государь, впредь имамъ сотворити,
Еже Царскую твою милость къ себѣ получити,
Хулы же и поношенія отъ всѣхъ ненавидящихъ мя избыти,
И о семъ Всемилостиваго Бога хвалити. Аминь.

Я не рѣшаюсь утверждать, чтобы эти посланія помѣщались въ Азбуковникахъ съ прямой цѣлью — служить образцами для юношества, упражняющагося въ первоначальныхъ сочиненіяхъ; но также не имѣю право говорить и противнаго. Могло быть, что они въ самомъ дѣлѣ писались въ Азбуковникахъ съ цѣлью педагогической; могло и не быть этого. Но то вѣрно, что если они и не служили образцами для сочиняющей молодежи, то были образцами для взрослыхъ, для пожилыхъ, пожалуй, для стариковъ, все равно, для кого бы то ни было, только были образцами. Это говорятъ сами письма, въ которыхъ, какъ обыкновенно во всякихъ образцовыхъ статьяхъ, нѣтъ фамилій, и именъ, къ кому пишутъ, а есть «имя рекъ», подъ которымъ можно ставить какое угодно имя; это говоритъ само предисловіе «первостранника», который, упомянувъ о томъ, что у насъ, де, большею частію письма пишутся очень просто, что если, на примѣръ, пишутъ къ родителямъ, то всегда употребляютъ извѣстныя фразы, въ родѣ того, что «молитвами ваю я живъ и здоровъ» и пр., говоритъ, что гораздо приличнѣе въ этомъ случаѣ писать болѣе высокимъ слогомъ, объяснять свои желанія болѣе возвышенно, и вотъ для этой-то причины онъ предлагаетъ образцы такихъ писемъ. Ясно, что цѣль этихъ писемъ, хоть косвенно, была отчасти педагогическая. Положимъ, въ школахъ не учили дѣтей искуству излагать свои мысли, не показывали имъ этихъ образцовъ, которые были тутъ

же, въ дѣтскихъ учебникахъ; но что въ нѣкоторыхъ школахъ преподавалось Реторика, можетъ быть только не подъ своимъ именемъ, это несомнѣнно. Реторику смѣшивали съ Грамматикой (какъ мы недавно еще путали вмѣстѣ Физику съ Химіей и Механикой), и потому Реторика входила въ число предметовъ преподаванія: въ нашихъ Азбуковникахъ есть Реторика, но она идетъ въ урядъ съ Грамматикой. Но не смотря на то, что въ нашихъ же Азбуковникахъ помѣщались вмѣстѣ и привѣтственныя рѣчи къ посѣтителямъ, выучиваемыя наизусть и произносимыя «острѣйшими» учениками, и правила школьной дисциплины и тутъ же образцовыя посланія, мы не въ правѣ утверждать, что дѣтей учили сочинянь эти письма. Можетъ быть, и учили, а можетъ и не учили: только этого въ Азбуковникахъ не сказано, и потому, въ дѣлѣ науки, догадку мы считаемъ, если не неумѣстной, то во всякомъ случаѣ самообольщеніемъ. Я привелъ эти два письма, какъ образецъ витійства нашихъ предковъ, витійства, которому предлагали подражать, если не юношамъ на школьной скамейкѣ, то людямъ пожилымъ, нуждающимся иногда въ краснорѣчивомъ посланіи къ начальнику, или благодѣтелю, и нельзя не согласиться, что первое изъ этихъ посланій было бы вполнѣ прекрасно по тому времени, когда бъ не было такъ растянуто.

Всякій согласится, что матеріалы, представляемые Азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII-го вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что пріобрѣтали въ школахъ: все таки школьное ихъ обученіе было очень ограниченно, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ Азбуковникахъ, то развѣ только Ариѳметикою, т. е., цифирью, Географіею, т. е., Космографіею, и Исторіею, имѣвшею лѣтописный, или хронографическій, характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII-го вѣка, всего, что знали спеціалисты-предки (а у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ были и спеціалисты), всѣхъ познаній, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ этотъ, т. е., исторія нашего развитія или, вѣрнѣе, исторія развитія нашихъ школъ и вліяніе ихъ на ходъ нашего образованія, только въ послѣднее время сдѣлался цѣлью ученыхъ разысканій; только въ послѣдніе два года вышло

нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій по этой части; и отъ того въ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, нѣтъ еще почти никакихъ положительныхъ итоговъ Вѣрнаго, окончательнаго приговора еще не сказано никѣмъ, по той причинѣ, что предметъ изслѣдывался покуда односторонне: не взяты еще въ помощь, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многіе памятники до-Петровской письменности; многое лежитъ въ нашихъ книгохранилищахъ совершенно еще нетронутымъ; однимъ словомъ, много еще предстоитъ труда на обработку разсѣянныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. А между тѣмъ, мнѣнія объ этомъ интересномъ предметѣ уже высказаны, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ всякаго дѣла, мнѣнія высказаны совершенно противуположныя одно другому. Но какъ бы горячо ни защищали мнѣнія, говорящаго въ пользу цвѣтущаго состоянія нашихъ школъ, въ пользу полноты преподаваемыхъ предметовъ, мнѣніе это будетъ прекрасной и утѣшительной, но тѣмъ не менѣе недоказанной, фразой, до тѣхъ поръ, пока намъ осязательно не покажутъ ея справедливости, пока сама старина своими словами не скажетъ намъ утвердительно, что мы должны вѣрить этому утѣшительному мнѣнію. Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ до-Петровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только. Но чрезъ это до-Петровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ силъ своихъ, но только не со стороны школъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія; а школы шли медленнѣе ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью. Однимъ словомъ: Россія развивалась быстрѣе, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было проистекать ея развитіе.

Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нашихъ школъ въ XVII-мъ вѣкѣ было еще на такой младенческой степени, что мы, во многомъ уже понявъ выгоды образованія и уже отчасти усвоивъ его, въ отношеніи обученія своего юношества оставались еще много ниже тѣхъ державъ, которыя мы превышали и стройностью политическаго состоянія, и правильнымъ гражданскимъ устройствомъ, и сознаніемъ выгодъ гражданственности. Что ни говори о преимуществахъ до-Петровской Россіи предъ варварскимъ Востокомъ, что ни говори о ея гуманныхъ началахъ, все таки, въ отношеніи образованія новаго

поколѣнія, въ отношеніи педагогическомъ она уступала даже той странѣ, которую давно превышала во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Хоть бы взять въ примѣръ состояніе тогдашнихъ школъ въ Турціи, не говорю уже о Западной и Южной Россіи, — даже Турціи мы должны отдать преимущество, когда вопросъ коснется того, какія мѣры принимали мы тогда для образованія новаго поколѣнія, для приготовленія отечеству полезныхъ слугъ на разныхъ ступеняхъ его гражданской жизни. Не смотря на то, что многіе изъ нашихъ предковъ учились многому, — они учились единственно для себя, изъ простой любознательности, между тѣмъ какъ другая половина насъ занималась писаніемъ, безъ всякой сознательной цѣли. Только одно почти духовенство имѣло цѣль въ своихъ занятіяхъ и съ этой же цѣлью воспитывало своихъ дѣтей. Отъ того и характеръ обученія въ древней Руси былъ единственно только религіозный, какъ это было прежде и на Западѣ, при его религіозномъ направленіи, когда высшее сословіе готовило дѣтей своихъ только къ двумъ поприщамъ: или быть вассаломъ, владѣтельнымъ, необразованнымъ барономъ, или образованнымъ епископомъ, ученымъ монахомъ. На Западѣ это было очень давно; у насъ же перестало быть очень недавно.

Я упомянулъ о Турціи, говоря, что въ XVII вѣкѣ она очень хорошо, хотя съ своей точки зрѣнія, понимала необходимость образованія юношества, могущаго быть полезнымъ на службѣ государству, тогда какъ Россія, можетъ быть, понимала это не хуже ея, однако не успѣла сдѣлать по этому предмету ничего замѣчательнаго; а, можетъ быть, даже и много сдѣлала, только мы до сихъ поръ не знаемъ этого, не находя нигдѣ свидѣтельствъ въ ея пользу. То же, что передаетъ намъ очевидецъ о состояніи преподаванія разныхъ наукъ въ Турціи XVII вѣка, очень замѣчательно и не можетъ не поразить всякого, кто сравнитъ это свидѣтельство съ тѣми фактами, которыя намъ извѣстны изъ исторіи развитія наукъ, или обученія въ Россіи того же вѣка. Сравненіе очень не утѣшительное для нашего національнаго чувства. Очевидецъ этотъ — Секретарь Англійскаго Посольства при Оттоманской Портѣ, г. Рикотъ, изучавшій состояніе Турціи въ половинѣ XVII столѣтія и издавшій объ этомъ предметѣ довольно пространный трактатъ [1].

---

[1] Книга Рикота переведена на Русскій языкъ съ Польскаго въ 1741 году, подъ названіемъ: «Монархія Турецкая, описанная чрезъ Рикота, бывшаго

Рикотъ пишетъ именно о тѣхъ юношахъ, которые предназначались для отправленія разныхъ должностей въ государствѣ. Онъ разсказываетъ сначала, изъ какого званія были эти юноши. Разсказъ его очень занимателенъ. Рикотъ говоритъ, что Султанъ обладаетъ великимъ искуствомъ возвышать на первыя государственныя степени только лица искусныя и разумныя, но не тѣхъ, которые знатны по рожденію; потому что, по его мнѣнію, «не потребно прінімати въ дѣла тѣхъ, которыхъ благородство крови, богатство и неучтивое похлѣбство (лесть) чінітъ славными.» Для того Султанъ давалъ образованіе плѣннымъ христіанскимъ дѣтямъ, надѣясь, что забывъ родину и всякія привязанности, они будутъ всею душою преданы тому, кому обязаны своимъ воспитаніемъ и почестями. [1] Сказавъ объ устройствѣ школъ, или каморъ, назначенныхъ для воспитанія этихъ юношей, и послѣ подробнаго разсказа о ихъ гимнастическихъ упражненіяхъ и о пріученіи къ веденію войны, переходитъ къ описанію того, чему и въ какой мѣрѣ они учились. Изъ его разсказа мы узнаемъ слѣдующее: для воспитанія этого юношества у Турокъ назначены были особые учители, называемые Калфасами, которые прежде всего научали своихъ воспитанниковъ читать и писать, чтобъ они сами могли понимать книги, содержащія въ себѣ изложеніе Корана, ихъ вѣры и законовъ, необходимыхъ въ администраціи. Какъ только они узнавали азбуку и склады, тотчасъ переходили къ изученію Арабскаго языка, «понеже въ томъ языкѣ сокровище и богатство ихъ закона и вѣры,» и знаніе Арабскаго языка давало имъ возможность толковать и подбирать статьи Закона, объяснять предписанія и сентенціи Кади, судить о ихъ законности, или незаконности. Потомъ юношамъ преподавался языкъ Персидскій съ цѣлью уже литературною, потому что богатство Персидскаго языка, его «изрядныя» слова и «сладкость въ глаголаніи» пополняли собою скудость и малоплодность языка Турецкаго, что считалось очень необходимымъ при дворѣ Султана. За тѣмъ разсказывали имъ обычаи старины, возбуждая желаніе подражать высокимъ историческимъ личностямъ, и прочитывали имъ «книги

Англинскаго Секретаря Посольства при Оттоманской Портѣ. Переведена съ Польскаго на Россійской языкъ. Въ Санктпетербургѣ 1741 года.»

[1] Рикотъ, стр. 33—40.

любовническія и вновописанныя на Персидскомъ языкѣ.» Изъ Персидскихъ сочиненій обыкновенно преподавались въ школахъ Данистанъ Шанди, Пондата, Джулістінъ, Бостанъ, Кафіцъ, прозаическія и стихотворныя. «Сіи книги суть сладостны, исполнены веселости изряднымъ произношеніемъ; изъ таковыхъ книгъ бываютъ прочитаны часто сіи: Кіркъ Везіръ, Умаюмнаме, или Деліде, и Рекимине, и Фулкаде Сеітбаталъ, и иные многіе книги любовническіе.» [1] Рикотъ прибавляетъ при этомъ, что любовническія книги изучаются «разумнѣйшими младыми», а которые изъ юношей мелянколіки и многомышленные, тѣ занимаются книгами серьезнаго содержанія, съ цѣлью достигнуть званія Государственнаго Канцлера, начальника публичныхъ доходовъ и т. п.; иные же желаютъ быть каніфіци или хранителями Корана, для чего обязаны были выучить весь Коранъ наизусть; эти послѣдніе очень уважались народомъ; наконецъ, нѣкоторые занимались философіей, т. е., толкованіемъ смысла священныхъ книгъ, и носили названіе «Талібулей;» низшая степень философовъ называлась »Джучкони:» они читали Коранъ по душѣ тѣхъ правовѣрныхъ, которые оставили денегъ на свое поминовеніе и на толкованіе ихъ Катехизиса, т. е., книгъ — Карутъ, Сальтъ, Мукадъ, Мутока, Гідане и другія. Кромѣ того, у нихъ есть Персидскія и Турецкія стихотворныя произведенія, съ риѳмами и размѣромъ, въ родѣ Пиѳагорійскаго, и эти стихотворенія учатъ юноши наизусть и очень искусно ихъ декламируютъ. Науки же, «которые суть между нами,» говоритъ Рикотъ, именно Логика, Физика, Метафизика и Математика, «не имѣютъ ні единыя свѣтлости,» и только Музыку изучаютъ прилежно. Есть между Турками и знатоки Астрологіи. Географія и изученіе другихъ государствъ находятся въ плохомъ состояніи: морскихъ картъ хорошихъ очень мало, а въ морскихъ путешествіяхъ помогаютъ имъ только глаза и опытъ. [2] Хотя Турки, говоритъ, не имѣютъ хорошихъ историковъ, однако достаточно знаютъ исторію своей Имперіи и прочихъ государствъ, и въ политикѣ очень хорошо пользуются примѣрами прошедшихъ временъ, или, какъ говоритъ Рикотъ, «употребляютъ яко образцы и осторожности въ ихъ потребнѣйшихъ дѣлѣхъ.»

[1] Знатоки Восточныхъ литературъ, вѣроятно, знакомы съ нѣкоторыми изъ упоминаемыхъ здѣсь книгъ.

[2] Монархія Турецкая. Рикотъ, стр. 41 43.

Эти свидѣтельства очевидца о состоянiи педагогики въ Турцiи до того поразительны, что становятся какъ будто невѣроятными. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть даже и сравненiя съ тѣмъ, что сдѣлала въ то время педагогика въ Россiи: къ стыду нашему, Русская педагогика сдѣлала, вѣроятно, не многимъ больше того, что мы уже видѣли, и чѣмъ не можемъ похвастаться даже предъ Турцiей. Турцiя, или, вѣрнѣе, ея правительство очень хорошо понимало для своего времени необходимость специальныхъ познанiй для людей, готовящихся къ государственнымъ должностямъ, и потому заботливо смотрѣло за воспитанiемъ юношества; у насъ же одно духовенство, и притомъ слишкомъ односторонне, понимало важность «книжнаго наученiя,» изрѣдка напоминая Государству о томъ, что духовному сословiю необходимо учиться грамотѣ. Вспомнимъ опредѣленiе «Стоглава» по этому предмету. Напротивъ, Турки уже тогда многостороннѣе смотрѣли на важность обученiя юношества, и смотрѣли на педагогику съ болѣе развитыми понятiями. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ будто невѣроятно, но къ несчастiю нашему справедливо. Ужъ одно то говоритъ въ пользу Турцiи, что ея юношество изучало, въ своихъ школахъ, необходимые языки, догматы религiи и законы, знакомилось съ формами администрацiи, однимъ словомъ, заранѣе готовилось къ служебной дѣятельности; но, сверхъ всего этого, оно не было чуждо и свѣдѣнiй литературныхъ, потому что читало и изучало произведенiя лучшихъ Восточныхъ писателей, узнавало исторiю своей литературы и поэзiи. Если Турцiя и не была образована на Европейскiй ладъ, такъ, по крайней мѣрѣ, была образована по своему, чѣмъ, конечно, не могло похвалиться наше отечество.

Или хотя бы взять теперь тогдашнюю Южную и Западную Россiю. Правда, тамъ во всемъ отражалось влiянiе Польской образованности; но я не говорю о высшихъ учебныхъ заведенiяхъ; я не говорю о Кiевской Академiи и другихъ учрежденiяхъ: выключая всего этого, даже простыя школы Южной Россiи, безъ всякаго Польскаго влiянiя, стояли на высшей степени развитiя, чѣмъ школы Великой Россiи. Южнорусскiя элементарныя школы имѣли прочное органическое устройство, и объемъ наукъ, преподававшихся въ нихъ, былъ много пространнѣе, чѣмъ въ первоначальныхъ Великорусскихъ училищахъ, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей статьѣ. На примѣръ, въ Уставѣ школы, учрежденной, въ началѣ XVII-го вѣка, при

монастырѣ извѣстнаго Луцкаго Братства, видны такія опредѣленныя начала и такое положительное направленіе, о какомъ едва ли могла думать, въ концѣ XVII-го вѣка, наша Заиконоспасская Академія, и какое всего менѣе могло существовать тогда въ элементарныхъ Великорусскихъ школахъ. Замѣчательно, что этотъ школьный уставъ поясняетъ для насъ значеніе Азбуковниковъ: что мы принимали въ этихъ послѣднихъ за мѣстныя обыкновенія, то повторяется и въ правилахъ Луцкой школы, и эти правила до того сходны съ правилами Азбуковниковъ, что какъ будто писаны въ одно время и для одной школы, или заимствованы Великорусскими школами изъ правилъ, давно уже существовавшихъ въ школахъ Южной Россіи, всего вѣроятнѣе, что наши Азбуковники отчасти перенесены къ намъ съ юга Россіи, на что намекаетъ самый языкъ ихъ, въ которомъ встрѣчаются такія слова, какъ вирши, клейнотъ, або и пр. Сверхъ всего этого, значеніе Азбуковниковъ много увеличивается тѣмъ, что правила, помѣщенныя въ нихъ, не простыя разглагольствованія, а принятые и утвердившіеся школьные обычаи, и что все содержаніе Азбуковниковъ не случайное, а такое, какое именно необходимо было тогда въ школьныхъ дѣтскихъ руководствахъ.

Интересно будетъ сравнить нѣкоторыя статьи Азбуковниковъ съ подобными положеніями въ Уставѣ Луцкой школы. [1] Это сравненіе необходимо и тѣмъ, что, не смотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ южной ея части и на Волыни, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, Русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснитъ намъ состояніе нашихъ Великорусскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣстныя изслѣдователямъ старинной Русской педагогики.

Прежде всего надо сказать, что Луцкая школа была не частнымъ, а общественнымъ заведеніемъ, и потому правила ея имѣли особыя статьи, не могущія итти въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Великороссіи. Въ слѣдствіе этого, разумѣется, въ Азбуковникахъ мы не нашли статьи относительно пріема воспитанниковъ, что въ Южнорусскихъ училищахъ дѣлалось

[1] Уставъ этотъ имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ каждая обозначена однимъ годомъ, 1624-мъ. Онъ напечатанъ въ «Памятникахъ, изданныхъ Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ.» Кіевъ, 1848. Изданіе 2-е. т. II, отд. I.

съ разными предварительными условіями. Уставъ говоритъ: «Каждый, кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись Ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: «нищій») и къ содержанію, [1] не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.» [2] Присмотрѣвшись, если не захочетъ вступить въ школу, то отходитъ съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить объ этомъ Старшему и, внесши въ школьную кружку четыре гроша, зачисляемъ былъ отъ Пенитарха въ число учениковъ и вносился въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ Азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть Старшіе, которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому учителю, потому что, прибавляетъ Уставъ, «если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ («въ наукахъ вызволенныхъ»), которыя всѣ прочія науки, искуства и ремесла далеко превышаютъ.» [3]

Но такъ какъ въ школѣ обучали «разнымъ діалектамъ,» и опредѣлены были особые часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступивши въ школу и «не могучи и наукъ, который ся тутъ традуютъ, и себе до которои есть способенъ рыхло зрозумѣти,» долженъ посовѣтоваться съ начальникомъ школы, «за якую науку взятися маетъ.» И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говоритъ, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

---

1 Въ переводѣ, изданномъ въ Кіевѣ, это мѣсто не имѣетъ смысла: будто бы нищій «присматривался къ содержанію,» вмѣсто «допускался».

2 Памят. Врем. Коммис., т. I, отд. 1, стран. 83—84. Я взялъ переводъ, приложенный при этомъ изданіи.

3 Памят. Вр. Ком., т. I, отд. I, стр. 84—85.

Вотъ предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣтили въ правилахъ Великорусскихъ школъ, или, можетъ быть, не встрѣтили только въ нашихъ Азбуковникахъ.

За тѣмъ всѣ другія статьи Устава болѣе и менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ Азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей помѣщены правила о наказаніяхъ, которыя такъ подробно изображены въ Азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически: не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ, [1]

«И памятного маетъ не боронити,
По чаши школнои испити». [1]

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ Малороссійскихъ школахъ субитокъ, — когда каждую субботу сѣкли школьниковъ, что называется, въ запасъ, чтобъ они были умны и на будущее время; вѣроятно, памятное и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами «Школьнаго благочинія» Азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе ихъ передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ Уставѣ Луцкой школы выражено то же самое, что каждый ученикъ долженъ садиться на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначенномъ по мѣрѣ его успѣховъ: «Который болшей умѣти будетъ, сидѣти вышшей маетъ, бы и барзо нищъ былъ; который меншей умѣти будетъ, на подлѣйшомъ мѣсцу сидѣти будетъ. Богатый надъ убогихъ у школѣ нѣчимъ вышшіи не маютъ быти, толко самою наукою: плотію же равно вси.» Учителю же вмѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: «Учити даскалъ [2] и любити маетъ дѣти всѣ за ровно, якъ сыновъ богатыхъ,

---

[1] Пам. Вр. Комм., т. I, отд. I, стр. 108.

[2] Даскалъ — такъ называется въ Уставѣ дидаскалъ, учитель.

такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходятъ по улицамъ, живности просечи.»[1]

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобъ собирались всѣ воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то посылали узнать о причинѣ: или «забавилъ ся инде играніемъ, или дома ся облѣнилъ, или надъ потребу спалъ.»[2] Обязанность смотрѣть за приходящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ Азбуковникѣ называются «Старостами», и которые должны были сидѣть у дверей школы и наблюдать за входящими и выходящими, записывая тѣхъ, которые позволяли себѣ шалости и непристойные поступки.[3] Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены молитвы и предисловіе обычны. Тоже самое видѣли мы въ Азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ Великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась зазорною. Въ Южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали за тѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и дѣлали выкладъ науки своей, то есть, вѣроятно, истолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, конечно, должны были учиться по частямъ Псалтыри, или Грамматикѣ съ разборами и «инымъ многимъ потребнымъ наукамъ.» Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя на таблицу свой урокъ, а малолѣтнымъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ «трудныя слова,» ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. Это мѣсто Устава Луцкой школы даетъ намъ возможность рѣшить недоумѣніе г. Лавровскаго, который ни въ какихъ древнихъ памятникахъ не находитъ свидѣтельства о томъ, диктовалъ ли учитель своимъ воспитанникомъ назначенный урокъ, или давалъ имъ готовыя тетрадки,

---

1 Уставъ Луц., III, стр. 100—101.

2 Тамъ же, стр. 102.

3 Тамъ же, III. стр. 109—110.

съ которыхъ они списывали, что имъ было задано. [1] Хотя рѣшеніе этого вопроса не принесетъ большой пользы наукѣ, однако, по Уставу Луцкой школы, можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ, въ Южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками на табличкахъ; малолѣтнымъ же писалъ самъ учитель. [2] Можетъ быть, то же самое было и въ Великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ Азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ разсказывать то, что происходило въ школѣ, то есть, не выносить сору изъ избы, или, какъ сказано въ Азбуковникѣ, «не выносить за порогъ школы словеснаго сору.» То же самое помѣщено и въ Луцкомъ Уставѣ: «Въ школѣ што ся колвекъ мовити, албо дѣяти будетъ, жаденъ за порогъ школный выносити не маетъ.» [3]

Что запрещалось Азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности — не толкаться, не подмигивать глазами, не перешептываться, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ Уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, «безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ» и пр.

Въ Великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и пр.; воспитанники Южнорусскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ «артикулѣ» 16-мъ постановлено избирать по очереди двухъ, или четырехъ, мальчиковъ въ слѣдующія должности: «дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити, и у дверей сидѣти; а которые выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ маютъ.» [4]

По правиламъ Азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія

[1] О древне-Рус. учил., стр. 111.

[2] Пам. Вр. Ком., т. I, стр. 87 и 105.

[3] Тамъ же, стр. 88. Въ уставѣ первой редакціи, краткой.

[4] Пам. Вр. Ком., стр. 109.

о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и пр.; въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе Литургіи, Евангелія и пр. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ Уставѣ: «Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіи недѣли. Послѣ же обѣда учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе» и т. д. Потомъ: «Въ воскресенье и въ праздники господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ, или святомъ дѣлѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ.»[1]

Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу, что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ Великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ Азбуковниковъ и другихъ памятниковъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя Южнорусскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе Греко-Латино-Словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ Уставъ: «Напервѣй, научившися складовъ, литеръ, потомъ Грамматики учатъ, притомъ же и церковному чину учатъ, читаню, спѣваню; также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другаго пыталъ по Грецку, абы ему отповѣдалъ по Словенску, и ты жъ пытаются по Словенску, абы имъ отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, ено Словенскою и Грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, къ Діалектице и Реторице, которые науки по Словенску переведенные, Русскимъ языкомъ списано, Діалектику и Реторику и иные философъскіе писма школѣ належачіе.»[2] Это свидѣтельство о нашихъ школахъ очень

[1] Пам. Вр. Ком., стр. 107—109.
[2] Пам. Вр. Ком., стр. 114—115.

важно. Въ другомъ мѣстѣ Устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: «Повиненъ будетъ даскалъ учити и на писмѣ подавати отъ святого Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отецъ Святыхъ ученія, отъ философовъ, отъ поетовъ, отъ гисториковъ и прочая.» Только какіе это были «философы, поэты историки,» мы не знаемъ: всего скорѣе Латинскіе, потому что Горацій и Тацитъ—любимые авторы, которыхъ знала старая образованная Малороссія. За тѣмъ учились пасхаліи, лунному теченію, личбѣ (т. е., счисленію), раховаию (почти то же счисленіе: не Ариѳметика ли?) и мусикѣ церковнаго пѣнія» (Уставъ, стр. 106—107).

Какъ видимъ, составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ Южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, что такое же образованіе давалось и въ Великорусскихъ школахъ до-Петровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи.

И такъ мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что состояніе нашихъ школъ, этихъ источниковъ народнаго образованія, не соотвѣтствовало, въ XVII-мъ вѣкѣ, тому, проявлявшемуся у насъ, стремленію впередъ, тому разцвѣту нашей умственной жизни, однимъ словомъ, — тому прогрессу Россіи XVII-го вѣка, прогрессу, итогомъ котораго былъ Петръ Великій. А что печать прогресса лежитъ на XVII-мъ столѣтіи, что было уже тогда это стремленіе впередъ, это отрадное броженіе умовъ передъ явленіемъ Петра, что до Петра еще начинала уже Россія искать чего-то новаго, разрѣшенія болѣе важныхъ и глубокихъ вопросовъ,—это вѣрно, и мы, можетъ быть, скоро сознаемъ это окончательно, когда лучше изучимъ темный для насъ XVII-й вѣкъ. Мы больше знаемъ Россію временъ Ольги, Святослава, временъ Ярослава и даже Монголовъ, чѣмъ Россію послѣ обоихъ Іоанновъ и особенно послѣ Самозванцевъ. На этомъ періодѣ времени мы не останавливаемся долго, какъ будто утомленные смутными временами конца XVI и начала XVII-го вѣковъ, и всѣ спѣшимъ обратиться къ одной личности Петра, забывая, что промежутокъ между Самозванцами и Петромъ былъ

именно тѣмъ великимъ и знаменательнымъ періодомъ въ исторіи развитія нашей умственной жизни, который рѣдко повторяется въ жизни народовъ. Періодъ этотъ ждетъ еще своей разработки. Нельзя сказать, чтобъ старина не оставила намъ ни какой возможности изучить ее въ подробностяхъ: она сохранила для насъ цѣлую литературу, на столько богатую и разнообразную, чтобы узнать тотъ періодъ времени, которому она служитъ выраженіемъ, котораго идеи она сохранила для насъ. А эта литература очень богата въ сравненіи съ тѣмъ, что представляютъ въ этомъ отношеніи предыдущія столѣтія. Кто сколько нибудь знакомъ съ нашей письменностью прошедшихъ вѣковъ, особенно XVI и XVII, тотъ не безъ удивленія остановится на этомъ послѣднемъ столѣтіи, которое слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ XVI-го и имѣетъ свой отличительный характеръ—стремленія впередъ. Можетъ быть, для многихъ это покажется страннымъ, особенно когда мы привыкли считать только XVIII-й вѣкъ временемъ созданія нашего отечества, началомъ его Европейской жизни и нашего вочеловѣченія; но когда мы познакомимся также съ XVII-мъ вѣкомъ, какъ знакомы съ XVIII-мъ; когда мы безъ предубѣжденія взглянемъ на мнѣніе: не начала ли Россія бытіе свое, не довольно ли уже были мы развиты, какъ люди, а не варвары, въ XVII-мъ вѣкѣ? когда мы постараемся представить живую картину этого времеми, то увидимъ, что XVII-й вѣкъ былъ именно тотъ періодъ, въ который мы начали свое самобытное развитіе и котораго Петръ былъ только итогомъ. Не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ присоединеніе Малороссіи, которая какъ будто придвинула насъ къ образованной Польшѣ и къ самой Европѣ, начавъ передавать намъ тѣ знанія, какими сама уже обладала: отъ того, въ концѣ XVII-го вѣка, всѣ дѣятели на литературномъ поприщѣ были у насъ Малороссы, которыхъ воспитали Кіевская Академія и Польша. Приводить примѣры считаю излишнимъ, потому что и помощники Петра въ преобразованіяхъ Россіи были тѣ же питомцы Малороссіи: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Стефанъ Яворскій; передъ ними Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ и другіе. Письменность XVII-вѣка имѣетъ совершенно различный характеръ съ тѣми немногими памятниками, которые дошли къ намъ отъ XVI-го вѣка; стоитъ только сравнить остатки письменности того и другого столѣтія, чтобъ видѣть громадную разницу между Россіей XVI-го вѣка и Россіей XVII-го вѣка.

На примѣръ, я беру для этого «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и «Описаніе рукописей библіотеки Гр. Толстова»; замѣчаю статьи и книги, принадлежащія XVI-му вѣку, и книги, обозначенныя вѣковъ XVII-мъ. Какой утѣшительный перевѣсъ на сторонѣ этого послѣдняго столѣтія! Въ XVI-мъ вѣкѣ я встрѣчаю только Евангелія, Минеи служебныя, Минеи праздничныя, Тріоди цвѣтныя, Тріоди постныя, Паремьи, Келейныя правила, Псалтири Слѣдованныя, Апостолы, Служебники, Трефолои, Октоихи, Кормчія и Житія святыхъ. Рукописей другаго содержанія почти нѣтъ. Пересматриваю XVII-й вѣкъ, и вниманіе постоянно останавливается на такихъ памятникахъ: Космографія Мартына Бѣльскаго; [1] Космографія, размѣреніе и росписаніе всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ; [2] Космографія Герарда Меркатора; [3] О конской ѣздѣ (въ 4-хъ книг., перев. въ Москвѣ, 1685 г.); [4] Великая и предивная наука Раймунда Люлія (въ 8 частяхъ); [5] Книга о Сивиллахъ, колика быша и коими имяны и о предреченіихъ ихъ, переведена по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; [6] Книга о началѣ Россійскихъ Государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ Великими Государями Христіанскими и Мусульманскими, и какъ писали къ нимъ тѣ иностранные Государи, и каковы котораго Государя ихъ государскія персоны и гербы, состроена повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году; [7] Родословіе и Геральдика Россійскихъ Государей, сост. Лаврентіемъ Херуличемъ по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; [8] Хрисмологіонъ, родъ Всеобщей исторіи съ пророчествами; переведена повел. Царя Алексѣя Михайловича; [9] Хронографъ, переведенъ повел. Царя Алексѣя Михайловича; [10] Рус-

[1] Оп. рук. Гр. Толст., I, 205, 206.
[2] Тамъ же I, 210.
[3] Оп. рук. Рум. М., N CCLXXII.
[4] Гр. Тол. I, 209.
[5] Тамъ же, I, 211.
[6] Рум. М., N CCXXVII.
[7] Гр. Тол., I, 215;
[8] Рум. М. N 466.
[9] Гр. Тол., I, 56. Рум. М., N CCCCLXV.
[10] Гр. Т., I, 77.

ская исторія, соч. Дьякомъ Ѳ. Грибоѣдовымъ; и за ту книгу дано ему Государева Царева и В. Кн. Алексѣя Михайловича жалованье: 40 соболей, да въ Приказѣ 50 рублевъ денегъ, отласъ, камку да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей. А книга взята къ Великому Государю вверхъ. [1] За тѣмъ встрѣчаются Алфавиты съ Словарями и съ другими статьями грамматическаго и реторическаго содержанія; [2] Ариѳметика и Астрономія; [3] Описаніе о Персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителѣхъ: [4] Исторія Сарматіи Европской и хроника земли Сарматской, Александра Гванини; [5] Описаніе Китайскаго Государства; [6] О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ, и воинская книга о всякой стрѣльбѣ и о огненныхъ хитростяхъ по Геометрійскому прямому обычаю (здѣсь и военная Технологія, и Баллистика, и Тактика и пр.); [7] Наука о конскомъ заводѣ (гдѣ говорится объ устройствѣ конюшень, дворовъ конскихъ, о кормѣ, присмотрѣ, о породѣ коней иностранныхъ, о конюшняхъ, коновалахъ, прислугѣ и пр.; [8] довольно большое Описаніе Голландіи и города Амстердама; [9] довольно интересное и обстоятельное Описаніе Сибири въ 1658 и 1683 годахъ; [10] Писцовыя книги разныхъ городовъ; [11] Хроника Литовская Стриковскаго; [12] Историческія записки Павла Пясецкаго (Piasecii). [13] Припомнимъ, что въ это время начинаетъ расходиться по Великороссіи Синопсисъ; свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи начинаютъ принимать болѣе широкій объемъ, съ измѣненіемъ и распространеніемъ содержанія нашихъ сборниковъ. Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что

---

[1] Рум. М., NN LXXXII, LXXXIII, LXXXIV. Гр. Толст., II, 39, 269, 412.
[2] Гр. Толст., II, 44, 139, 146, 343, 371, 373; III, 27. Рум. М., I, II, III, и др.
[3] Рум. М., N XII.
[4] Гр. Толст., I, 246.
[5] Тамъ же, I, 153, 161.
[6] Тамъ же, I, 162.
[7] Тамъ же, I, 68.
[8] Рум. М., N CCLXXXII.
[9] Рум. М., CCXCII.
[10] Рум. М., CCXCIV.
[11] Рум. М., N CCCVIII, CCCIX, CCCX, CCCXI, CCCXII.
[12] Гр. Толст., I. 186, 244.
[13] Гр. Толст., I, 17.

видно изъ разныхъ статей и книгъ Медицинскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: а) Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ.... о различныхъ врачевскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, [1] въ которой находится 341 глава: о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ речныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воске, о заморскихъ и о Русскихъ зеліяхъ, и о древесехъ, и о травахъ, и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ, о уксусе, о маслехъ, о солехъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр., и пр., и пр., гдѣ исчерпаны знанія, относящіяся и къ Гигіенѣ, и къ Фармакогнозіи, и къ Физіологіи, и къ Фармакопеѣ, и къ естественнымъ наукамъ другихъ отраслей; б) Проблемата.... великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныи, такожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, такожде и о звѣриныхъ; [2] в) Славныхъ великихъ и цвѣтныхъ доктуровъ подлинное изѣщеніе о мору; [3] г) О приготовленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п., [4] родъ Технологіи и Фармакопеи, и отрывки Лѣчебника; д) статьи физіологическаго содержанія; [5] е) Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ, [6] и нѣсколько Лѣчебниковъ для всеобщаго пользованія. Въ это время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны уже начатки литературныхъ потребностей въ обществѣ: это переводы сказокъ, романовъ, и т. п. литературныхъ произведеній другихъ народовъ; [7] въ это время мы встрѣчаемъ переводы Басень Езопа («Писанія философа Ессопа Индѣянина»), переводъ [8] произведеній Персидскаго поэта Шихсади («Персидской крынной долъ, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ историй, остроумныя речи, прибыльные ученіи... и славнаго Локмана

[1] Рум. М., N CCLXIII, Гр. Толст., II, 42.
[2] Гр. Толст. II, 166.
[3] Тамъ же, II, 168.
[4] Тамъ же, II, 195.
[5] Тамъ же, II, 215.
[6] Тамъ же, III, 338.
[7] Съ этимъ предметомъ насъ уже познакомилъ нѣсколько Г. Пыпинъ.
[8] Гр. Толст. II, 181.

склади и примѣры»), [1] съ Нѣмецкаго переложенія; читаемъ, къ удивленію нашему, повѣсти въ родѣ слѣдующихъ: Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны; повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея,» [2] и т. п. Это еще не все: это—самая ничтожная часть того, что разсѣяно по нашимъ библіотекамъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ постоянно встрѣчаются интересные переводы съ иностранныхъ языковъ, съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Итальянскаго, но преимущественно — съ Польскаго: все, что являлось замѣчательнаго въ Польшѣ, переводилось на Русскій языкъ. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется; прежнія свѣдѣнія оказываются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо вопросовъ богословскихъ. Не удивительно явленіе въ этомъ обществѣ такихъ людей, какъ Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы назвали великимъ, и Царевна Софія; не удивительно явленіе такихъ Государей, какъ Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ съ ихъ дипломатами, Тяпкинымъ, Зотовымъ, извѣстнымъ, кромѣ того, своими педагогическими талантами; не удивительно, наконецъ, что у такого Государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, который давалъ ходъ и жизнь начинавшей разцвѣтать нашей умственной жизни, нашимъ наукамъ, нашей литературѣ, [3] не удивительно, повторяю, что у Государя, имѣвшаго достойныхъ дѣтей въ Ѳеодорѣ и Софіи, былъ еще и сынъ Петръ, положившій начало преобразованія Россіи. Россія, если не вся, не

---

[1] Гр. Толст. I, 111.

[2] Гр. Толст. II, 47.

[3] Что Царь Алексѣй Михайловичъ заботился о распространеніи знаній, объ образованіи своей страны, видно изъ того, что почти все, что писалось достойнаго вниманія въ его время, посвящалось его особѣ и было принимаемо благосклонно, какъ мы видимъ изъ ласковаго пріема «Исторіи» Грибоѣдова, переводовъ Спафарія и другихъ сочинителей, которыхъ онъ дарилъ очень щедро за ихъ труды. Исправленіе книгъ вмѣстѣ съ Никономъ, печатаніе многихъ необходимыхъ сочиненій,—все говоритъ въ пользу этого Государя, котораго заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи еще не оцѣнены, потому что всѣ историки, очарованные личностью сына его, Петра, не берутъ на себя труда объяснить значеніе Царя Алексѣя Михайловича. Разработка нашей до-Петровской письменности докажетъ, что этотъ Царь началъ подготовку царствованія Петра, и Россія, вмѣстѣ съ умнымъ Царемъ, охотно принимала идеи, которыя осуществилъ только Петръ.

цѣлой массой, то въ лицѣ многихъ замѣчательныхъ особъ своего времени, понимавшихъ высокое значеніе образованія, ждала уже Петра; и только слишкомъ энергическія мѣры этого Государя вооружили массу противъ нововведеній, противъ внезапнаго и отчасти насильственнаго движенія впередъ, къ чему, впрочемъ, само подвигалось наше отечество во все XVII столѣтіе.

Неудивительно послѣ всего этого, если мы скажемъ, что одна педагогика наша отстала отъ общаго стремленія, одни школы недостаточно подвинулись впередъ, чтобы приготовлять юношество для полнаго сочувствія стремленіямъ возрождавшейся Россіи, для быстрѣйшаго воспріятія тѣхъ идей, которыя уже вращались между немногими избранными.

Въ слѣдствіе всего этого, намъ кажется болѣе правильнымъ взглядъ Г. Забѣлина на характеръ древняго образованія въ Россіи, чѣмъ взглядъ г. Купріянова. Г. Забѣлинъ, любя Русскую старину, не увлекается предположеніями относительно успѣховъ педагогики въ до-Петровской Руси, и не дѣлаетъ выводовъ, въ сущности прекрасныхъ и утѣшительныхъ, но несогласныхъ съ дѣйствительностію, какіе дѣлаетъ Г. Купріяновъ, увлеченный той же любовью къ старинѣ. [1] Г. Забѣлинъ даже слишкомъ строгъ, слишкомъ недовѣрчивъ и скупъ на заключенія, какъ это всегда бываетъ, когда больше и разностороннѣе знакомишься съ предметомъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ нашу старую Русь, чтобъ рѣшиться дѣлать серьезные выводы, касательно важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ, основываясь только на теоріи вѣроятностей. Въ слѣдствіе этого прекраснаго убѣжденія, вѣроятно, Г. Забѣлинъ отвергаетъ все, чего не можетъ доказать, какъ онъ говоритъ, точно, документально, т. е., самими фактами старины, ея словами, ея собственнымъ, неопровержимымъ, свидѣтельствомъ: это необходимое правило въ наукѣ, которому слѣдуютъ рѣдкіе изъ насъ; только оно не всегда примѣнимо. Бываетъ и такъ, что это, необходимое въ наукѣ, правило не достигаетъ цѣли и дѣлается своего рода пристрастіемъ; это бываетъ тогда, когда мы и изъ этого благоразумнаго правила сдѣлаемъ крайность—неизбѣжное слѣдствіе увлеченія. Хотя у Г. Забѣлина не замѣчаемъ этой крайности, но онъ держится своего благоразумнаго правила не безъ

---

[1] «Замѣтки для исторія просвѣщенія въ Россіи,» Купріянова (Спб. Вѣд., 1855 г., N. 163, и Москвитянинъ 1855, N. 10).

увлеченія. Ни чѣмъ больше, какъ увлеченіемъ, можемъ мы объяснить его, въ высшей степени осторожные, выводы (которые Г. Купріяновъ, совершенно несправедливо называетъ рѣзкими и односторонними), относительно образованія нашихъ предковъ. По мнѣнію Г. Забѣлина, въ школахъ до-Петровской Руси знанія юношества не простирались далѣе азбуки, часословца и псалтыри, за тѣмъ письма и церковнаго пѣнія; по его мнѣнію, въ школахъ этихъ не принято было даже преподаваніе Грамматики отечественнаго или, пожалуй, Церковно-Славянскаго языка. Держась своихъ осторожныхъ правилъ въ выводахъ и заключеніяхъ, онъ приводитъ одно извѣстное мѣсто изъ пѣсьни про Ваську Буслаева, что, когда мать отдала его учиться грамотѣ,

Грамота ему въ наукъ пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала его пѣтью учить,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло....

и рѣшаетъ, что «это мѣсто, объясняя значеніе науки въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія». [1] Напрасно Г. Забѣлинъ, такъ добросовѣстно изучающій Русскую старину, на слово вѣритъ народной пѣсьнѣ, особенно былинѣ, гдѣ, по обыкновенію, передается не самое дѣло, не фактъ, а только взглядъ народа на этотъ фактъ, гдѣ фантазія на первомъ планѣ. Не думаю, чтобъ Г. Забѣлинъ, знающій нашу старину, какъ немногіе знаютъ ее, рѣшился дѣлать такіе же выводы, какіе онъ здѣсь дѣлаетъ, основываясь на томъ, что если въ былинѣ сказано, будто В. К. Владиміръ и богатыри его выпивали турьи рога зелена вина въ полтора ведра и въ полтретья, то они въ самомъ дѣлѣ пили именно столько, сколько сказано въ пѣснѣ, то есть, полтора и по два съ половиной ведра залпомъ. Вѣроятно, меньше. Не думаю также, чтобъ и пѣсьня про Буслая знала навѣрное, что именно преподавалось въ нашихъ школахъ. Притомъ, эта пѣсьня какого вѣка? Она Новгородская.

Признавая вполнѣ важность памятниковъ народной мысли, мы не должны, однако же, слова и свидѣтельства какой-нибудь пѣсьни

---

[1] «Характеръ древняго народ. образ. въ Россіи.» Забѣлинъ (От. Зап., 1856 г., N. 3, отд. II, стр. 19).

(хоть бы она была и историческая) считать непреложными законами, которыми можно рѣшать всякое ученое недоразумѣніе, а должны смотрѣть на нихъ, какъ на выраженія народной мысли, народныхъ понятій, народныхъ впечатлѣній, по преимуществу; мѣрять же все впечатлѣніями и понятіями народа, и притомъ простаго народа — недостойно науки. Народъ имѣетъ всегда свой взглядъ на вещи, и въ пѣсьняхъ именно выражаетъ этотъ взглядъ, или то понятіе, какое онъ составилъ себѣ относительно какого либо предмета, или событія. Пѣсьнями можетъ пользоваться наука, но только какъ средствомъ къ узнанію взгляда народа, въ извѣстное время, на извѣстный фактъ, но ужъ отнюдь не какъ историческими матеріялами. Такъ и пѣсьню о Буслаѣ нельзя принять за историческія данныя: въ ней выразился, можетъ быть, взглядъ, или понятіе, народа объ ученіи въ школахъ, и только. И если народъ такъ понималъ наше древнее обученіе, то это не значитъ, что онъ правильно понималъ его; онъ понималъ по своему. Въ извѣстной пѣсьнѣ, которую и теперь пропоетъ любой мужикъ, разсказывается о кончинѣ Императора Александра Павловича, который сказалъ своей родимой матушкѣ, что уѣзжаетъ на годъ, а не пріѣхалъ и черезъ три. Родимая матушка выбѣгала на большую дорожку, встрѣтила кульера и спрашивала: «Не знаешь ли, молъ, кульерчикъ, что съ сыномъ?» Тотъ объявилъ ей, что онъ умеръ. Потомъ описываются похороны, какихъ, конечно, въ дѣйствительности не бывало, и между тѣмъ упоминается, какъ

Молодую его хозяюшку подъ бѣлы руки ведутъ,
А малыхъ его дѣтушекъ во колясочкѣ везутъ....

Слѣдуетъ ли изъ этого, что Императрица не могла иначе узнать о сынѣ, какъ выбѣгая на дорогу, выспрашить курьера, и должна ли исторія стать въ тупикъ, по случаю «малыхъ дѣтушекъ», или признать ихъ дѣйствительно существовавшими? Ясно ли, что народъ въ пѣсьняхъ своихъ передаетъ не самые факты, а свои впечатлѣнія, по поводу ихъ? И въ этой пѣсьнѣ народъ вѣренъ самому себѣ: онъ зналъ, что Императоръ имѣлъ мать и по своему, примѣняясь къ своему быту, выразилъ горесть ея ожиданій; предположилъ, что должны же быть и сироты послѣ смерти женатаго человѣка, или просто, ради бóльшаго эффекта, подарилъ дѣтьми Александра Павловича. И въ древней Россіи, какъ и въ настоящей, простой народъ стоялъ на низшей ступени образованія, слѣ-

довательно, также вѣрно могъ объяснять пѣснями состояніе училищъ, какъ вѣрно изобразилъ погребеніе Императора Александра 1-го. А что это правда, такъ видно изъ того, что и въ древности на народъ смотрѣли, какъ на невѣгласовъ, по мнѣнію которыхъ, затмѣніе солнца означало то, что нѣкіи «влъкодлаци поѣдали солнце» и пр. Подобные же невѣгласы отправили въ заточеніе боярина Матвѣева за чернокнижіе, а послѣ того съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на Сухареву башню, на которой производились астрономическія наблюденія. [1] О Россіи этого не могъ сказать Г. Забѣлинъ, потому что Россію онъ знаетъ лучше другихъ, а увлекшись отрицаніемъ мнѣній г. Купріянова и, слѣдуя правиламъ осторожности, дошелъ до крайности и обвинилъ Россію въ томъ, въ чемъ виноватъ былъ только народъ, подъ именемъ котораго я разумѣю гораздо больше сословій, чѣмъ сколько принадлежитъ ихъ къ народу въ настоящую, болѣе развитую, пору. Такой народъ обвинилъ Матвѣева въ чернокнижіи и считалъ колдовствомъ астрономическія предсказанія на Сухаревой башнѣ. Невѣгласы въ состояніи сдѣлать то же самое и въ нынѣшній XIX-й вѣкъ, и въ пѣсьняхъ своихъ характеризуютъ современную науку, всѣ тонкости просвѣщеннаго XIX-го вѣка, ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ же многозначительнымъ «четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ.» А изъ этой фразы развѣ слѣдуетъ вывести заключеніе, что и теперь у насъ больше ничему не обучаютъ, кромѣ «четья-пѣтья церковнаго?» Конечно, не слѣдуетъ. Не слѣдовало также и г. Забѣлину на словахъ пѣсьни про Ваську Буслаева строить своихъ догадокъ, что пѣсенная фраза есть не что иное, какъ выраженіе состоянія нашихъ древнихъ школъ и что въ школахъ этихъ не преподавалась даже Грамматика Славянскаго языка. Съ этимъ очень трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ Азбуковникахъ есть грамматическія правила, преподававшіяся въ школахъ и, кромѣ того, мы имѣемъ одну Грамматику отъ XVII-го вѣка, въ которой именно сказано, что ее учили новоначальные ученики послѣ азбуки. Вотъ заглавіе этого школьнаго учебника: «Книга глаголема Аданатосъ, (Донатъ) въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о прономени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имяни, о союзѣ, о представленіи и о различіи, еа же учатъ ученицы

---

[1] Характеръ древн. народ. образ. въ Россіи (От. Зап., 1856 г., N. 3).

новоначалніи послѣ азбукѣ, зане же то есть основаніе первое и подошва хитрости грамматичной, а Граматикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ.»[1]

Но опять таки повторяемъ повторенное нами нѣсколько разъ въ этой статьѣ, что въ XVII-мъ вѣкѣ педагогика отстала отъ общаго стремленія къ прогрессу и самосознанію: что Россія, въ лицѣ многихъ особъ, понимавшихъ уже нѣсколько высокое значеніе образованія, далеко оставила за собой наши школы съ ихъ старыми понятіями и привычками, съ ихъ ограниченнымъ кругомъ воззрѣнія на способъ и объемъ обученія. Да и не легко было этимъ школамъ итти шагъ за шагомъ по слѣдамъ нашего развитія, когда онѣ вмѣщали въ себѣ только самыя начатки образованія и, будучи частными заведеніями, держались правилъ старины, какъ въ объемѣ преподаванія, такъ точно и въ методѣ, и когда, напротивъ того, Россія, — хотя не всей массой, а въ числѣ немногихъ образованныхъ личностей, добывала себѣ новыя знанія и идеи, отвергала то, что привилось къ ней отъ старины, прежде чѣмъ молодой Петръ успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ, какъ предразсудки, начинала учиться у Запада; когда вся Россія, успокоившись отъ политическихъ бурь (подъ державой Алексѣя Михайловича), начинала вглядываться въ то, что дѣлалось тогда на Западѣ, расширяла кругъ своей письменности, вводя въ него новыя Европейскія знанія, помимо знаній богословскихъ, и естественно далеко оставила за собою нашу скудную «премудрость,» какую добыла въ стѣнахъ своихъ училищъ, находившихся въ рукахъ частнаго духовенства. Напрасно стали бы мы обвинять Россію, особенно Россію конца XVII-го вѣка, въ неподвижности и умственномъ застоѣ: при болѣе строгомъ изученіи той эпохи, мы увѣримся совершенно въ противномъ. Исторія начинаетъ уже возвышать голосъ въ пользу XVII-го вѣка, и намъ отрадно было встрѣтить полное сочувствіе нашимъ мыслямъ, въ историческомъ обозрѣніи «Правленіе Царевны Софіи» г. Щебальскаго, который говоритъ: «Царствованіе Петра представляется намъ безо всякой почти связи съ предшествующими; мы слишкомъ буквально пріучились понимать слова: ««Петръ создалъ Россію»». Петръ произвелъ въ ней огромную реформу, переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но

---

[1] Опис. рук. Гр. Толстова, IV, 27.

въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая, такъ называемую, древнюю, до-Петровскую Русь, съ Россіей новою, Европейскою.»[1] И эта связь есть: она — умственное движеніе Россіи во все XVII-е столѣтіе, отрадное стремленіе впередъ, замѣтное отрицаніе старыхъ предразсудковъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVII-го вѣка, Россія могла уже сказать о себѣ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ — отвергохъ младенческая.» И въ самомъ дѣлѣ, до Петра еще начала мужать наша Россія; она успѣла отвергнуть много младенческаго въ своихъ понятіяхъ, прежде чѣмъ молодой Царь успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ; не могла только одного сдѣлать — провести за собой свои школы, влить новыя живительныя идеи въ скудные свои учебники.

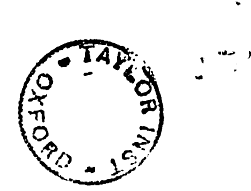
Послѣдовавшій на дняхъ переводъ Преосвященнѣйшаго Аѳанасія въ Астраханскую Епархію лишилъ меня возможности окончательно разработать интересную рукопись, и потому, не имѣя подъ рукою Азбуковниковъ, я принужденъ кончить свою статью тѣмъ, на чемъ остановился.

Даніилъ Мордовцевъ.

Саратовъ, 1856 г.

---

[1] Правленіе Цар. Софіи, IV, 69—70 (ст. Щебальскаго въ Рус. Вѣстникѣ, 1856 г., N. 9).

1864

15x

See slip

